

ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ

ИСКАТЕЛЬ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ЭМИАС ЛЭЙ

Классика приключенческого романа

Чарльз Кингсли

Искатель приключений Эмиас Лэй

«Public Domain»

1855

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Кингсли Ч.

Искатель приключений Эмиас Лэй / Ч. Кингсли — «Public Domain», 1855 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03399-5

Чарлз Кингсли (1819–1875) – англиканский священник, писатель, историк; один из основателей английского христианского социализма. Его творческое наследие состоит из романов, философских сочинений, проповедей, публицистики, лекций и т. д. Славу пастору как христианскому социалисту и писателю создали два социальных романа – «Дрожжи» и «Элтон Локк, портной и поэт», где ему удалось отобразить кризисные явления в традиционно консервативном сельском обществе и показать бедствия обитателей городских трущоб. В этом томе публикуется роман «Искатель приключений Эмиас Лэй», в котором судьба приготовила его герою множество испытаний: здесь и встреча с красавицей Розы Солтерн, и жестокое сражение с испанцами за золото... Все это случилось после того, как отчаянный сорвиголова Эмиас Лэй отправился в плавание на корабле знаменитого пирата Фрэнсиса Дрейка.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03399-5

© Кингсли Ч., 1855
© Public Domain, 1855

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	22
Глава IV	29
Глава V	35
Глава VI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чарлз Кингсли

Искатель приключений Эмиас Лэй

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Глава I

Как Эмиас Лэй захотел быть храбрым искателем приключений

Каждому, кто путешествовал по восхитительным местам северного Девона, знаком маленький белый городок Байдфорд¹, расположенный у верховья широкой полноводной реки Торридж с желтым песчаным дном. К городу примыкает ряд холмов, покрытых густыми дубовыми лесами. Холмы понемногу переходят в чуть заметную возвышенность, а дальше расстилается обширное пространство солончаков и сыпучих песков; там Торридж сливается со своей сестрой Тэо, и вместе плавно они струятся навстречу безбрежному простору и вечному шуму волн Атлантического океана.

Радостно стоит старый город под ласковым, словно итальянским небом. День и ночь овеивает его свежий морской ветер, смягчающий и лютый зимний холод, и жестокую летнюю жару. Стоит он, быть может, восемь сотен лет, с тех пор как первый Гренвайль, двоюродный брат Вильгельма Завоевателя, вернувшись после победы над Южным Уэльсом, собрал вокруг себя верных саксонцев, златокудрых северных витязей и темноволосых бриттов с берегов Лебединого озера.

В то время, о котором я пишу, Байдфорд не был просто милым провинциальным городом, чья набережная вынуждена довольствоваться небольшими парусными судами малого каботажа. Байдфорд был одним из важнейших портов Англии. Он выставил семь кораблей для борьбы с Непобедимой армадой, и еще столетие спустя, как говорят летописцы, он посылал больше судов для торговли с Севером, чем какой-либо другой порт Англии, за исключением (странное сопоставление) Лондона и Топшэма.

В 1575 году в ясный летний полдень высокий красивый мальчик в одежде школьника, с сумкой и грифельной доской в руках, медленно брел по набережной Байдфорда, с любопытством осматривая недавно прибывшие корабли и встречных матросов. Миновав Главную улицу, он оказался против одной из многочисленных таверн, стоящих над рекой. У открытых окон сидели купцы и дворяне, утоляя глинтвейном послеобеденную жажду. Перед выходом в таверну собралась группа матросов, внимательно слушающая кого-то, кто находился в центре. Живо интересующийся всякой новостью с моря, мальчик подошел и занял место среди ребят, которые переглядывались и перешептывались, путаясь под ногами у взрослых. Он услышал следующую речь, произнесенную громким, бодрым голосом с сильным девонширским акцентом, щедро пересыпанную проклятиями:

– Если вы не верите мне, ступайте и убедитесь сами или оставайтесь здесь и обрастайте плесенью. Я говорю вам, – а это так же верно, как то, что я джентльмен, – я видел это собственными глазами; я и Сальвейшин Иео – тоже через окно подвала. Мы измерили груды – в ней было семьдесят футов длины, десять футов ширины и двенадцать футов вышины – все серебряные слитки, и каждый слиток весом от тридцати до сорока фунтов. Капитан Дрейк² сказал: «Мои девонширские молодцы, я привел вас к утробе мировой сокровищницы, и будет ваша вина, если вы не оставите ее тощей, как сушеная треска!»

– Так почему же вы ничего не привезли оттуда, мистер Оксенхэм?

---

¹ Городок на юго-западе Англии, до XVIII в. – один из важных полоторговых-полупиратских портов. До 1573 г. был в феодальном подчинении семейству Гренвайль.

² Фрэнсис Дрейк (1540–1596) – английский мореплаватель, прославившийся рядом головокружительно смелых налетов на испанские владения в Южной и Средней Америке, принесших неслыханные барыши и сопровождавшихся такими зверствами, что в Вест-Индии еще в начале XIX в. испанцы пугали детей: «Вот Дрейк тебя возьмет».

– Почему вас не было там, чтобы помочь нам? Мы бы вынесли слитки наверх вполне благополучно; молодой Дрейк и я уже взломали наружную дверь, но капитан Дрейк вышел оттуда полумертвый, и, когда мы приблизились, мы увидели, что у него на ноге рана, в которую можно засунуть три пальца, и его сапоги полны крови. Прошел уже час, как он был ранен, но крепость духа в нем такая, что он не чувствует раны, пока не свалится. Тогда мы с его братом понесли его в лодку, причем он брыкался и отбивался и приказывал нам спустить его, хотя каждый его шаг оставлял на песке лужу крови. И мы ушли. Скажите мне вы, высохшие сельди, что скорее стоило спасать – его или подлое серебро? Серебро храбрецы всегда могут добыть снова. Как в море больше рыбы, чем можно выловить, так в Номбре-де-Диос³ больше серебра, чем нужно, чтобы вымостить все улицы Запада; а такого капитана, как Фрэнк Дрейк, жизнь никогда не создает больше одного сразу. Так говорю я, а кто не согласен, пусть выбирает оружие – я к его услугам!

Говорил это высокий, крепкий человек, с цветущим лицом, окаймленным черной бородой, и смелыми живыми темными глазами. В небрежной позе, подбоченясь, стоял он, прислонившись к стене дома. В глазах школьника он был великолепен. Одет он был, вопреки всем законам того времени, направленным против роскоши, в костюме малинового бархата, слегка потрепанный; на боку у него висели длинная испанская рапира и пара кинжалов с блестящими рукоятками; на пальцах искрились кольца, шею обвивали две или три золотых цепи, а в ушах висели большие серьги, причем за одно ухо в глянцевитые черные кудри была воткнута большая красная роза. Голову украшала широкополая бархатная испанская шляпа, на которой вместо пера торчала целая райская птица, прикрепленная большой золотой пряжкой. Великолепное зеленое с золотом оперение сверкало, как драгоценный камень. Окончив речь, Оксенхэм снял шляпу и заговорил, глядя на птицу:

– Смотрите сюда, ребята, вряд ли вы видели когда-нибудь таких птиц раньше. Это птица, которую носят старые индейские короли Мексики и не позволяют носить никому другому. Тем не менее я ношу ее, я, Джон Оксенхэм из Южного Таутона. Пусть знают это храбрецы Девона.

И он вновь надел свою шляпу.

Послышались рукоплескания, но кто-то намекнул, что он сомневается в успехе, так как испанцев слишком много.

– Слишком много?! Сколько человек, черт возьми, мы взяли с собой в Номбре-де-Диос? Нас было семьдесят три, когда мы отплыли из Плимута, а прежде чем мы увидели Испанское море⁴, половина была «гастадос», как говорят испанцы – истощена цингой. В порту Фазанов с нами встретился капитан Раус из Кью, и это дало нам еще тридцать человек. С этой горсточкой ребят – нас было всего пятьдесят три человека – мы расчистили путь в Новый Свет! А кого мы потеряли?! Только одного трубача, который стоял и ревел, как осел, посреди площади, вместо того чтобы позаботиться о своей шкуре.

– Подходите, подходите же, слушайте, слушайте, кто хочет разбогатеть!

Кто хочет плыть с нами,
Веселыми моряками!
Кто хочет быть с нами!
Наполнить карманы золотыми деньгами,
Плавая по морю, о!

---

³ Город и округ Центральной Мексики (имя Господне).

⁴ Тогдашнее название морей, омывающих треугольник, образуемый южным побережьем Северной Америки, Центральной Америкой и северным побережьем Южной.

– Слушайте, – закричал высокий худой малый, который до сих пор молча стоял рядом с ним, – пришло ваше время! Сорок человек из Плимута будут наготове к нашему возвращению. Нам нужна еще дюжина из вас, жителей Байдфорда, из них один или два подростка.

– Не допустите же вы, – продолжал Оксенхэм, – чтобы люди Плимута сказали, что жители Байдфорда не осмелились последовать их примеру? Здесь северный Девон стоит против южного. Кто с нами, кто с нами?! Страшен первый шаг. И плавание станет спокойным, словно в рыбьем садке, как только мы обогнем мыс Финистере. Я найму в Кловелли рыболовное судно и бьюсь об заклад на двадцать фунтов – оно не зачерпнет ведра за всю дорогу. Не думайте, что вы покупаете поросенка в мешке. Я знаю дорогу, и Сальвейшин Иео – вот он – тоже знает. Он был помощником канонира и изучил море так же хорошо, как и я, и даже лучше. Попросите его показать вам морскую карту, и вы увидите – он расскажет вам весь путь не хуже самого Дрейка.

После этого худой человек вытащил из рукава большой белый буйволоный рог, покрытый грубыми изображениями суши и моря, и показал его удивленным слушателям.

– Смотрите сюда, ребята, смотрите все, и вы увидите картину места, изображенную так точно, что лучше уж никак нельзя. Я получил его от одного портингэльца на пути к Азорским островам – он умел вырезать рисунки и вырезывал их везде, где бы он ни плавал и что бы он ни видел. Возьми теперь рог в свои руки, Симон Эванс, возьми рог в свои руки, посмотри на него, и, ручаюсь, ты в пять минут будешь знать дорогу не хуже, чем любая акула в море.

И рог стал переходить из рук в руки. Тогда Оксенхэм, увидев, что его слушатели задеты за живое, потребовал через открытое окно большой кубок глинтвейна и пустил его по рукам вслед за рогом.

Школьник, который жадно слушал, сумел тем временем втереться внутрь круга и теперь стоял лицом к лицу с героем изумрудного пера и смотрел во все глаза на чудесный рог. Но вот он увидел, что матросы, повертев рог, один за другим стали подходить к Оксенхэму ижимать ему руку в знак своего согласия идти с ним. Воображение школьника воспламенилось; чудесный рог действовал столь же магически, как рог Тристана⁵ или волшебников Ариосто.

Когда группа рассеялась и Оксенхэм ушел в таверну со своими новыми товарищами, мальчик снова попросил разрешения ближе взглянуть на чудо, и ему тотчас разрешили.

Его восхищенному взору представились города и гавани, драконы и слоны, киты, сражающиеся с акулами, плоские испанские лодки, острова с обезьянами и пальмовыми деревьями. И над каждым рисунком сверху было помещено его название. Там и сям были надписи: «Здесь есть золото» и снова «Много золота и серебра», по-видимому, сделанные рукой самого Оксенхэма, так как слова были на английском языке.

Медленно и страстно мальчик вертел рог и думал, что владелец его богат. О, если б только он мог обладать этим рогом, ему нечего было бы больше желать для полного счастья!

– Послушайте, хотите вы продать это? – спросил школьник.

– Даже мою собственную душу, если мне за нее заплатят!

– Я хочу рог, мне не нужна ваша душа – она похожа на старую камбалу, а там в гавани есть достаточно свежих.

С этими словами мальчик после долгих колебаний вытащил тестер⁶, единственный, который у него был, и спросил, может ли «это» купить рог.

– Это? Нет, ни даже двадцать таких.

Мальчик подумал, что бы сделал настоящий странствующий рыцарь в подобном случае, и затем сказал:

– Вот что, я буду сражаться с вами за него.

---

⁵ Герой знаменитого рыцарского романа, посвященного трагической его любви к неверной королеве Изольде Белокурой.

⁶ Старинная монета.

– Благодарю вас!

– Разбей голову этому нахалу, Иео! – сказал Оксенхэм.

– Назовите меня еще раз нахалом, и я разобью вашу! – И мальчик яростно занес кулак. Оксенхэм с минуту смотрел на него улыбаясь.

– Ну, ну, друг мой, дерись с теми, кто одного возраста с тобой, и пощади маленьких людей вроде меня.

– Я – мальчик по возрасту, сэр, но у меня мужской кулак. Мне в этом месяце исполнится пятнадцать лет, и я знаю, как ответить каждому, кто оскорбит меня.

– Пятнадцать, мой юный петушок? Ты выглядишь двадцатилетним, – сказал Оксенхэм, бросая восхищенный взгляд на крепкие члены юноши, на его зоркие голубые глаза, вьющиеся золотистые волосы и круглое честное лицо. – Пятнадцать! Если бы у меня было полдюжины таких, как ты, я сделал бы из них рыцарей, прежде чем умереть. А, Иео?

– Из него выйдет, – заявил Иео. – Он станет славным боевым петухом через год или два, раз он уже осмеливается ссориться с таким суровым старым птичником, как капитан.

Раздался общий смех, в котором Оксенхэм принял участие столь же громко, как все остальные, а затем спросил мальчика, почему он так жаждет получить рог.

– Потому, – воскликнул тот, смело глядя на него, – что я хочу пойти в море! Я хочу видеть Индии⁷, хочу сражаться! Я отдал бы полжизни, чтобы стать юнгой на борту вашего корабля.

С горячностью высказав все это, мальчик вновь опустил голову.

– И ты будешь, – воскликнул Оксенхэм с крепким проклятием, – и захватишь галеон! Чей ты сын, доблестное создание?

– Мистера Лэя из Бэруффского поместья.

– Я знаю его не хуже, чем подводные камни, и его кухню. Кто ужинает с ним сегодня вечером?

– Сэр Ричард Гренвайль.

– Дик Гренвайль! Я не знал, что он в городе. Ступай домой и скажи отцу, что Джон Оксенхэм придет составить ему компанию. Больше от тебя ничего не требуется. Я сам все улажу с почтенным джентльменом, и ты отправишься со мной на поиски счастья. А что касается рога, отдай ему рог, Иео, я дам тебе золотой за него.

– Ни одного пенни, капитан. Если молодой господин примет подарок от бедного матроса – вот он, ради его любви к своему призванию, и да будет с ним удача на этом пути!

Добрый малый с импульсивным великодушием настоящего моряка сунул рог мальчику в руки и пошел прочь, чтобы избежать благодарности.

– А теперь, – заговорил Оксенхэм, – мои веселые молодцы, прежде чем вы получите жалованье, решайте, хорошо ли вы намереваетесь себя вести. Я не советую никому из вас вести двойную игру, как это делают те ползучие гады, которые берут пять фунтов у одного капитана, десять у другого, а затем предоставляют ему ехать, а сами остаются, спрятавшись под женским покрывалом или в погребе таверны. Если у кого-либо есть такое намерение, пусть он лучше сам себя зарежет и засолит в бочке из-под свинины, прежде чем снова встретится со мной. Клянусь белым светом, если такой негодяй попадется мне даже через семь лет, я тут же пере-режу ему глотку! Но если кто будет мне верным братом – верным братом тому буду и я. Ждет нас крушение или богатство, буря или покой, соленая вода или пресная, будет у нас провиант или нет – доля и еда для нас всех одинаковы... Вот моя рука в этом каждому и всем. Итак:

Вперед, на запад,
И «ура» за Испанское море!

---

⁷ По представлению того времени, существовали две Индии – западная и восточная. Открыв остров Куба, Колумб считал, что он открыл западную (Вест-Индию).

После этой речи Оксенхэм с шумом вошел в таверну в сопровождении своих новых матросов, а мальчик направился к дому со своим драгоценным рогом, колеблясь между надеждой и страхом и краснея, как девушка, от стыда, что так сразу открыл чужому человеку свое сокровенное желание, которое с девятилетнего возраста держал в тайне от отца и матери.

Этот юный джентльмен, Эмиас Лэй, хотя прожил всю свою жизнь, как мы бы выразились теперь, в лучшем обществе и избран мною (за доблесть, учтивость и подлинно благородные качества, которые он выкажет далее в своей полной приключений жизни) в герои этого романа, не был, за исключением своей приятной внешности, ни в каком отношении тем, что называют в наши дни «интересным юношей». Еще менее можно было бы назвать его юношей «высокообразованным». Он знал немного латынь – вот и все. Но и латынь эта была вколочена в него таким количеством ударов, как будто она была гвоздем, а он – стеной. Его учили, как древних персов, «говорить правду и стрелять из лука». Обе эти добродетели он постиг в совершенстве, как и две других: легко переносить боль и верить в то, что лучшая вещь на свете – быть благородным. Под этим он подразумевал стремление не причинять напрасных страданий ни одному человеческому существу. Он гордился умением жертвовать собственным удовольствием ради тех, кто слабее его. Сверх того, за последний год, когда ему было поручено объезжать жеребят и заботиться о партии молодых соколов, полученных его отцом с острова Лэнди, он сумел развить в себе настойчивость, внимание и привычку к сдержанности.

Эмиас знал названия и обычаи всех птиц, рыб и насекомых и мог так же искусно, как самый старый моряк, прочесть значение всякого облака, несущегося по небу. Вот он идет, наш герой, прижимая к себе свой рог, идет рассказать обо всем, что произошло, матери, от которой он никогда в своей жизни не скрыл ничего, за исключением только этой «морской лихорадки», и то лишь потому, что заранее знал, какую боль ей это причинит. Сверх того, будучи благоразумным и чувствительным мальчиком, он знал, что еще слишком молод для путешествий, и поэтому, как он объяснил ей, «незачем делить шкуру убитого медведя».

Оксенхэм, как обещал, пришел в тот же вечер к ужину. Но ввиду того, что люди ужинали в те дни таким же образом, как они это делают сейчас, мы можем прервать нить рассказа на несколько часов и возобновить его по окончании ужина.

– Теперь, Дик Гренвайль, ступай беседовать с хозяином, а я разрешу себе поболтать с хозяйской.

Лицо, к которому Оксенхэм обратился столь фамильярно, ответило несколько насмешливой улыбкой и замечанием, намекающим на излишнюю вольность обращения.

– Оксенхэм слишком охотно предоставляет Дику Гренвайлю внимание мужей. Внимание красивых дам к самому Оксенхэму не вызывает сомнений. Друг Лэй, вернулся ли домой большой корабль Харда из проливов?

Говоривший, хорошо известный в те времена Ричард Гренвайль, был одной из подлинно героических личностей эпохи, стоящей на грани между средневековым и новым миром.

Люди говорили, что он горд, но он не мог оглянуться вокруг, чтобы не увидеть чего-либо, чем он мог гордиться; что он груб и жесток с матросами, но это бывало только тогда, когда он замечал в них трусость и двуличие; что он поддается минутами ужасным приступам гнева, но это случалось лишь тогда, когда его негодование было возбуждено рассказами о жестокости или притеснениях и больше всего о злодеяниях испанцев в Вест-Индии.

Последнее Оксенхэму было хорошо известно; поэтому он почувствовал некоторое недоумение и раздражение, когда после того как он попросил у мистера Лэя разрешения взять с собой юного Эмиаса, он увидел, что сэр Ричард ничуть не желает помочь ему и поддержать его просьбу.

– Вот как, сэр Ричард, не перешли ли вы на сторону тех жеманных созданий (все они – переодетые испанские иезуиты), которые задирают нос перед Фрэнсисом Дрейком, называя его пиратом? Чтоб им провалиться!

– Друг мой, Оксенхэм, – ответил Гренвайль в сентенциозном и размеренном стиле своего времени, – я всегда считал, как вам должно быть известно, что добыча мистера Дрейка и моего друга капитана Хаукинса⁸ – вполне законный приз, так как захвачена у папистов-испанцев, которые не имели никакого права владеть ею, потому что отняли ее с помощью мучений и крайних беззаконий у бедных индейцев, за что и заслуживают жестокой мести.

– Слушайте, – воскликнул Оксенхэм, – кто может говорить решительнее его?! И все-таки он не хочет помочь этому юноше в таком благородном предприятии.

– Вы спрашивали его отца и мать. Каков ответ?

– Мой таков, – сказал мистер Лэй, – если мой мальчик станет впоследствии таким мореплавателем, как Ричард Гренвайль, пусть идет, но прежде пусть он побудет дома и выучится быть таким джентльменом, как сэр Ричард Гренвайль.

Сэр Ричард низко поклонился, и последнее слово получила миссис Лэй.

– Против этого, мистер Оксенхэм, вы не можете возражать, если не хотите быть невежливым. Что же касается меня, то хоть это только слабый женский довод, все же это довод матери: он – мое единственное дитя, его старший брат далеко отсюда, и я не знаю, увижу ли его когда-нибудь! О, мистер Оксенхэм, у вас нет ребенка, иначе вы не просили бы у меня моего!

– А откуда вы это знаете, милостивая государыня? – спросил искатель приключений, ставший сначала смертельно бледным, а затем огненно-красным.

Ее последние слова больно задели в нем какую-то неожиданную струну. Затем он поднялся, вежливо поднес ее руку к своим губам и сказал:

– Я умолкаю. Прощайте, милостивая государыня, и пусть у всех мужей будут такие же жены, как вы.

– А у всех жен, – добавила она улыбаясь, – такие мужья, как мой.

– Нет, этого я не хочу сказать, – ответил он с полунасмешливой улыбкой, а затем: – Прощай, друг Лэй, прощай, доблестный Дик Гренвайль. Думаю, что еще увижу тебя, лорд главный адмирал, когда вернусь домой. Впрочем, быть может, я и не вернусь!

– Ну, ну, молодец, что за речи? – сказал Лэй. – Выпьем за нашу веселую встречу, прежде чем ты уйдешь! – Он встал, поднес бокал с мальвазией к губам, отпил немного и передал его сэру Ричарду, который поднял и со словами: «За здоровье храброго и благородного мореплавателя» выпил и сунул чашу в руки Оксенхэму.

Лицо искателя приключений горело, а глаза стали дикими. От напитков ли, которые он пил в течение дня, или от последних слов миссис Лэй, но он несколько минут не владел собой и, по-видимому, не сознавал, ни где он, ни кто с ним.

Все смотрели друг на друга, но Лэй, который умел быстро найтись, тотчас насильственно рассмеялся и воскликнул:

– Храбрый Джон Оксенхэм, миссис Лэй ждет твоего тоста!

Но Оксенхэм уже пришел в себя, произнес тост за всех присутствующих, причем пил долго и жадно, и после сердечных прощаний удалился, не намекнув больше о своем странном состоянии.

После того как он ушел и пока Лэй провожал его до дверей, миссис Лэй и Гренвайль несколько минут хранили мертвое молчание.

– Мистер Лэй, – нарушил молчание Гренвайль, – вы поступили мудро сегодня вечером. Бедный Оксенхэм не должен, отправляясь в путешествие, чувствовать себя одиноким. Мне

---

⁸ Один из знаменитейших английских морских разбойников.

пришлось говорить о нем с Дрейком и Хаукинсом, и я догадываюсь, почему миссис Лэй его так взволновала, когда сказала, что у него нет ребенка.

– Разве у него есть ребенок там, в Вест-Индии? – воскликнула добрая леди.

– Кто его знает! Мы не услышим о стыде и печали, обрушившихся на древний и уважаемый дом Девона. А теперь иди сюда, мой ищущий приключений крестник, и не смотри так печально. Я слышал: ты сегодня разбил голову всем мальчикам.

– Почти всем, – ответил с должной скромностью юный Эмиас. – Но разве я не пойду в море?

– Все в свое время, мой мальчик, и тогда ни я, ни твои достойные родители не станут удерживать тебя от благородного порыва. Но не желаешь же ты жить и умереть хозяином рыболовного судна?

– Я хочу быть храбрым искателем приключений, как мистер Оксенхэм.

– Будем думать, что ты станешь еще более храбрым, чем он, так как быть смелым в борьбе с врагами свойственно и животным, но лишь человеку дано быть смелым в борьбе с самим собой. Теперь я хочу дать тебе обещание: если ты спокойно останешься дома и научишься от своих родителей всему, что необходимо настоящему моряку, придет день, когда ты пойдешь в плавание с самим Ричардом Гренвайлем или с лучшим человеком, чем он, и с более благородной задачей, чем охота за золотом на Испанском море.

– О, мой мальчик, мой мальчик! Слушай, что обещает тебе добрый сэр Ричард, – сказала миссис Лэй. – Много юношей были бы рады быть на твоём месте.

– И много юношей будут рады быть на его месте через несколько лет, если только он научится тому, что вы оба можете ему дать. А теперь, мои дорогие хозяева, я должен позвать слугу с фонарем – и домой в Байдфорд, в постель.

Так Эмиас Лэй вернулся в школу, а мистер Оксенхэм отправился своей дорогой снова в Плимут и отплыл в Испанское море.

Глава II

Как Эмиас вернулся домой в первый раз

Прошло пять лет. Спокойный ясный ноябрьский день. Девять часов утра, но колокола байдфордских церквей все еще звонят к заутрене – на два часа позже обычного времени. Улицы Байдфорда, словно сад, наполненный цветами всех оттенков, кишат празднично разодетой толпой моряков и горожан с женами и дочерьми. Через улицы протянуты гирлянды, а из всех окон свисают пестрые ткани. Корабли в порту разукрашены флагами и шумно выражают свои чувства пушечными залпами. Все конюшни переполнены лошадьми, а дом сэра Ричарда Гренвайля напоминает гостиницу. Там пьют и едят, стоят расседланные кони и мечутся взад и вперед грумы и слуги. Вдоль маленького церковного двора, облепленного женщинами, прогуливается вся знать Северного Девона.

Но что же наполнило старый Байдфорд таким безудержным весельем? Почему все глаза с таким жадным любопытством устремлены на этих четырех моряков, потрепанных непогодой, но убранных бантами и лентами, и особенно на эту гигантскую фигуру, идущую впереди, – на безбородого юношу с золотыми кудрями, ниспадающими на плечи, с телосложением и ростом Геркулеса? Почему, когда появились эти пятеро, все взоры обратились на миссис Лэй из Бэрuffфа, чей капор вздрагивал от радостных рыданий?

Потому что в старину в веселой Англии умели чувствовать, а эти пятеро были уроженцами Девона, жителями Байдфорда; их имена – Эмиас Лэй из Бэрuffфа, Джон Стэйвелл, Микаэль Хард, Ионас Маршалл из Байдфорда и Томас Броун из Кловелли. Они первые из всех английских моряков совершили плавание вокруг света с Фрэнком Дрейком и благополучно возвратились домой.

Чтобы объяснить, как все это произошло, нам придется вернуться назад.

Приблизительно в течение целого года после отъезда мистера Оксенхэма юный Эмиас жил довольно спокойно, как обещал, не считая случайных взрывов ярости, свойственных всем молодым животным мужского пола и особенно мальчикам с сильным характером. Его школьные занятия подвигались вперед, разумеется, не лучше, чем раньше, но его домашнее воспитание шло достаточно успешно, и скоро он, несмотря на молодость, стал действительно хорошим стрелком из лука, наездником и фехтовальщиком. В это время его отец заразился от заключенных (что было довольно обычно в то время) тюремной лихорадкой, заболел в самом суде и скончался в одну неделю.

Миссис Лэй пришлось одной укрощать и подготавливать к жизни этого молодого львенка на привязи.

Она осталась вдовой немногим старше сорока лет, еще прекрасная лицом и фигурой и более всего прекрасная спокойствием, которое сквозило в каждом ее взгляде, в каждом слове и жесте. Не удивительно, что сэр Ричард и леди Гренвайль любили ее; не удивительно, что ее дети почитали; не удивительно, что юный Эмиас, лишь только миновал первый взрыв горя и он вновь ощутил почву под ногами, почувствовал, что для него началась новая жизнь, и впредь не только мать будет думать и заботиться о нем, но и он должен начать думать и заботиться о своей матери.

И в тот же самый день, после похорон отца, когда окончились занятия в школе, он, вместо того чтобы пойти прямо домой, смело направился к дому сэра Ричарда Гренвайля и попросил свидания со своим крестным отцом.

– Вы должны быть моим отцом теперь, – сказал он твердо.

Сэр Ричард посмотрел на открытое смелое лицо мальчика и поклялся «дубом, тисом и терновником», что он будет отцом ему, братом его матери. А леди Гренвайль взяла мальчика

за руку и повела его домой в Беруфф, где обе дамы дали торжественное обещание всегда быть друг другу сестрами и это обещание сдержали.

После того в Бэруффе все пошло по-старому. Эмиас скакал верхом, стрелял из лука, дрался на кулачках и бродил по набережной вместе с сэром Ричардом. Миссис Лэй была слишком умной женщиной, чтобы хоть немного изменить систему обучения, которую ее муж признавал наилучшей для младшего сына. Довольно было и того, что ее старший сын по собственному влечению избрал другой образ жизни. Фрэнк – ее старший сын – сам достиг почета и уважения на родине и на чужбине сперва в школе в Байдфорде, затем в Экстер-колледже, где стал другом сэра Филиппа Сидни⁹ и других многообещающих молодых людей. Летом 1572 года по дороге в Гейдельбергский университет Фрэнк попал в Париж с рекомендательными письмами к Уольсингхэму в английское посольство. Благодаря этим письмам он не только встретился вторично с Филиппом Сидни, но и спас свою жизнь (как и Сидни) в Варфоломеевскую ночь. В Гельдельберге Фрэнк пробыл два года. Не желая обременять родителей, Фрэнк поступил воспитателем к двум молодым немецким принцам. Прожив с ними в доме их отца около года, Фрэнк наконец, к своему большому удовольствию, повез своих питомцев в Падую¹⁰, где нашел множество друзей благодаря дипломам и рекомендательным письмам бесчисленного количества вельмож и ученых. И прежде чем Фрэнк вернулся в Германию, он насытил свою душу всеми чудесами Италии. Он беседовал о поэзии с Тассо¹¹ и об истории с Сарпи¹². Он прислушивался полублагоговейно-полунедоверчиво к дерзновенным теориям Галилея. Он видел дворцы палладиума и купцов на Риальто; видел большие торговые суда Рагузы и все чудеса этого места встречи Востока с Западом. В результате особого ходатайства он был допущен в ту обитель, где с длинной серебряной бородой и блестящими глазами, среди пантеона собственных творений, еще томился на земле дряхлый Тициан, патриарх искусства, и рассказывал старинные истории о Беллини, Рафаэле и Микеланджело, о пожаре в Венеции, об осаде Рима и о поэтах, давно ушедших к праотцам. Фрэнк был в Риме и видел папу и фрески Ватикана; он слышал Палестрину¹³, дирижирующего исполнением собственных произведений под куполом храма Петра. Фрэнк почти влюбился в эти сладостные звуки и пробудился от грез, лишь вспомнив, что к этому самому куполу возносились хвала Богу и небесам за те залитые кровью улицы, рыдающих женщин и груды поруганных тел, что он видел в Париже в ночь святого Варфоломея.

Наконец, за несколько месяцев до того, как умер его отец, Фрэнк привез своих воспитанников домой, в Германию, и был отпущен, как он писал, с подарками. Сердце миссис Лэй сильно забило при мысли, что странствующий вернется. Но, увы! Приблизительно через месяц после смерти мистера Лэя пришло длинное письмо, в котором Фрэнк сообщал со многими извинениями, что по специальной просьбе знаменитого ученого – светила эпохи, Стефана Парминиуса, обычно называемого по месту его рождения Будаусом¹⁴, – он собирается плыть вместе с ним по Дунаю до Будапешта, для того чтобы прежде, чем окончится его пребывание за границей, ознакомиться на месте с достижениями науки, которыми венгерцы знамениты во всех концах Европы.

После этого Фрэнк не получал ни одного письма из дому в продолжение почти двух лет. Тогда, опасаясь несчастья, он вернулся и нашел свою мать вдовой, а брата Эмиаса – ушедшим в Южные моря с капитаном Дрейком из Плимута. Но даже теперь, после долгих лет отсутствия,

⁹ Английский поэт и беллетрист.

¹⁰ В Падуе был знаменитый со Средних веков университет.

¹¹ Торквато Тассо (1544–1595) – знаменитый итальянский поэт.

¹² Сарпи фра (брат) Паоло (1552–1623) – историк.

¹³ Палестрина Джованни Пьерлуиджи (1524–1594) – замечательный композитор, реформировавший церковную музыку.

¹⁴ Речь, очевидно, идет о французском ученом Гильоме Бюде (по-латыни Будаус), одном из первых исследователей греческих и латинских древностей (1467–1540).

Фрэнку не суждено было остаться дома. Не прошло и шести месяцев, как сэр Ричард потребовал, чтоб он снова принялся за работу, и послал его ко двору лорда Хэндсона.

Но почему Эмиас отправился в Южные моря? По двум причинам, каждая из которых до наших дней продолжает посылать юношей в гораздо худшие места: во-первых, из-за старого учителя, во-вторых, из-за юной красавицы.

Виндекс Браймблекомб – некогда студент Экстер-колледжа в Оксфорде, по моде того времени называемый сэр Виндекс, – был преподавателем классической гимназии в Байдфорде. По природе это был набожный, довольно добродушный педант, но, как большинство школьных учителей в те дни господства розг, он весьма основательно ожесточил свое сердце благодаря длительной пагубной возможности причинять по своему произволу страдания тем, кто слабее его.

После смерти мистера Лэя старый Виндекс почувствовал, что должен уделить особую заботу лишившемуся отца мальчику...

Но единственным результатом этого усилившегося чувства ответственности было внезапное увеличение количества розог, получаемых Эмиасом. В течение почти двух недель оно росло со дня на день не без последствий для самого педагога.

За описанное время Эмиас ни на секунду не забывал своего заветного стремления к морю. В часы занятий, когда он не мог странствовать по набережной, рассматривая корабли, и не мог спуститься к каменным рифам Норшэма и там сидеть, пожирая голодным взглядом безбрежное пространство океана, Эмиас обыкновенно утешался тем, что рисовал на аспидной доске корабли и морские карты.

Итак, «это» случилось около полудня, когда Эмиас был очень занят одной географической картой – видом с птичьего полета на остров, на котором стоит большой замок; у ворот замка сидит страшный дракон; на переднем плане появляется то, что должно означать храбрый корабль с большим флагом сверху, но что из-за леса копий, наполняющих этот корабль, гораздо больше похоже на дикобраза; у основания копий красуется множество маленьких круглых «о». Они изображают головы Эмиаса и его сотоварищей, которые собираются убить дракона и освободить красавицу, обитающую в заколдованной башне.

Чтобы рассмотреть это чудо искусства, все мальчики склонили головы над пюпитром. Они чувствовали себя в полной безопасности, так как Виндекс по привычке откинулся на спинку кресла и спал сном праведным. Но когда Эмиас по специальному наущению злого духа, преследующего всех выдающихся художников, умудрился, пренебрегая перспективой, примостить на рисунок утес, на котором стоял живой портрет Виндекса – нос, очки, халат, – держащий в руке занесенный хлыст, с вылетающей изо рта пчелой, кричащей вслед беглецам: «Вернитесь обратно», в то время как такая же пчела отвечает ей с лодки: «Прощай, учитель», – толкотня и хихиканье настолько усилились, что цербер проснулся и сурово спросил:

– Что за шум вокруг?

Ответа, разумеется, не последовало.

– Вы, конечно, Лэй! Встаньте, сэр, и покажите мне ваше упражнение.

Но Эмиас не написал ни слова из своего упражнения. Он как раз собирался нанести последний штрих на портрет мистера Браймблекомба. А посему, к удивлению всех присутствующих, Эмиас ответил:

– Все в свое время, сэр! – и продолжал рисовать.

– В свое время, дерзкий мальчишка?

Но Эмиас продолжал рисовать.

– Подойди сюда, бездельник, или я спущу с тебя шкуру!

– Подождите немного, – ответил Эмиас.

Старик вскочил с линейкой в руках, устремился через класс и узрел самого себя на роковой доске.

– Что у тебя тут, негодный? – И, ринувшись на жертву, он поднял палку.

Тогда с веселым и невозмутимым видом поднялась с парты огромная фигура Эмиаса Лэя, который был на голову выше своего учителя, и та же доска опустилась на плешивую макушку сэра Виндекса Браймблекомба с таким сокрушительным ударом, что и доска и башка треснули одновременно. Бедный педагог свалился наземь и лежал замертво. Эмиас вышел из школы и спокойно пошел домой. Поразмыслив немного, он пришел к матери и заявил:

– Мама, я разбил голову учителю.

– Разбил голову, злой мальчик! – воскликнула бедная вдова. – Зачем ты это сделал?!

– Не знаю, – сокрушенно ответил Эмиас. – Я не мог удержаться. Она была такая гладкая, плешивая и круглая, – вы понимаете...

– Я понимаю. О, злой мальчик! Ты, может быть, убил его, негодный? Умер он?

– Не думаю, чтобы он умер; его макушка издала слишком сухой звук. Но не лучше ли мне пойти и рассказать все сэру Ричарду?

Бедная мать, невзирая на весь страх, с трудом могла удержаться от смеха при виде совершенного хладнокровия Эмиаса (что было не из последних способов проявления его нахальства) и, чувствуя, что не в силах с ним справиться, по обыкновению, послала его к крестному. Эмиас повторил свой рассказ. Затем сэр Ричард спросил:

– Что же он собирался сделать с тобой, молодчик?

– Ударить меня, потому что я не написал своего упражнения, а вместо того нарисовал его портрет.

– Так твое искусство испугалось побоев?

– Ничуть – я слишком привык к ним, но я был занят, а он так отчаянно торопил меня. И если бы вы только видели его плешивую голову, вы бы и сами ее разбили!

Сэр Ричард двадцать лет тому назад на том же месте – почти при тех же обстоятельствах – разбил голову отцу Виндекса Браймблекомба, своему школьному учителю. Следовательно, он мог руководствоваться собственным опытом.

– Послушай, Эмиас, кто не умеет слушаться, никогда не сумеет управлять. Если ты сам не можешь подчиниться дисциплине сейчас, ты не сможешь заставить подчиняться ей полк или экипаж, когда вырастешь. Согласен ли ты со мной, молодчик?

– Да, – сказал Эмиас.

– Тогда возвращайся сейчас же в школу, и пусть тебя высекут.

– Прекрасно, – согласился Эмиас, считая, что дешево отделался.

Между тем лишь только мальчик вышел из комнаты, сэр Ричард откинулся на спинку кресла и стал смеяться до слез.

Эмиас вернулся в школу и сообщил, что согласен быть высеченным. Старый учитель, чья макушка уже была залеплена пластырем, заплакал слезами радости над возвращением блудного сына, а затем так отхлестал его, что Эмиас целые сутки не мог об этом забыть.

Но в тот же вечер Ричард послал за старым Виндексом, который вошел к нему дрожа, со шляпой в руках. Протянув старику кружку глинтвейна, Ричард сказал:

– Итак, господин учитель, мой крестник отличился сегодня больше, чем следует. Вот пара золотых, чтобы оплатить врача.

– О, сэр, «благодарю тебя и Господа», но мальчик ударил слишком сильно. Тем не менее я отплатил ему добром и в наказание засадил его выучить одну из басен Федра¹⁵. Сэр Ричард, вы считаете, что это слишком много?

– Какую? Не ту ли о человеке, который, играя, ударил львенка и в конце концов был съеден им?

---

¹⁵ Римский баснописец.

– О, сэр, вы все шутите. Но, в самом деле, мальчик – хороший мальчик, живой мальчик, но более забывчив, чем Лета¹⁶, и было бы лучше, если бы он ушел из школы, потому что я никогда не смогу его видеть без головной боли. Кроме того, в прошлую пятницу он сунул моего сына, как вы бы сунули мяч, в печку, хотя тот годом старше его, потому что, сказал он, мой Джек похож на жареного поросенка. И больше того, ваша милость, он – хвостун и забияка. Он скоро доведет до смерти кого-нибудь, если его вовремя не обуздать. Только месяц тому назад я слышал, как он оплакивал себя подобно Александру, когда ему некого было больше завоевывать. Он говорил, что жаль, что он так силен, потому что он уже переколотил всех байдфордских мальчиков и ему больше не с кем меряться силами. Поэтому, как рассказал мне мой Джек, в четверг на прошлой неделе он напал на молодого человека из Барнстэпля, торговца чулками, человека совершенно взрослого и такого крупного, как любой из нас (Виндекс был ростом пять футов четыре дюйма в башмаках на высоких каблуках), и сбросил его с набережной прямо в грязь за то, что тот сказал, что в Барнстэпле есть девушки красивее (простите, что я говорю о таких пустяках: меня побуждает к этому моя преданность), чем в Байдфорде. Он предложил сделать то же со всяким, кто осмелится сказать, что Розы Солтерн, дочь мэра, не самая прекрасная девица во всем Девоне.

– Эге! Повторите-ка это еще раз, мой дорогой сэр, – произнес сэр Ричард, который таким путем подошел ко второму пункту обвинительного акта. – Я спрашиваю, дорогой сэр, откуда вы слышали все эти милые истории?

– От моего сына Джека, сэр Ричард.

– Послушайте-ка, господин учитель, ведь не удивительно, что ваш сын попал в огонь, раз вы пользуетесь им как собирателем сплетен. Но это – система всех педагогов и их сыновей, с помощью которой они воспитывают из детей шпионов и подлиз и готовят их – сударь, вы слышите? – к гораздо более жгучему пламени, чем спалившее нижнюю часть вашего сына Джека. Поняли вы меня, сэр?

Бедный педагог, так ловко пойманный в свою собственную ловушку, дрожа, стоял перед своим патроном, который, как наследственный глава «Мостового объединения»¹⁷, снабжавшего средствами школы и прочие благотворительные учреждения Байдфорда, мог одним движением пальца вышвырнуть его вон и разорить дотла. Он тяжело дышал от страха, пока сэр Ричард продолжал:

– Поэтому помните, господин учитель, если вы не обещаете мне никогда не проронить ни слова о том, что произошло между нами, если вы не обещаете, что ни вы, ни ваши родные не станут впредь распространять сплетен о моем крестнике и произносить его имя на расстоянии дня пути от миссис Солтерн, то берегитесь, сэр!

После того как Виндекс удалился, Ричард снова стал хохотать громовым смехом, что заставило его супругу войти. Она, вероятно, все слышала, так как ее первые слова были:

– Я думаю, жизнь моя, нам следовало бы отправиться в Бэруфф.

Они поехали в Бэруфф, и после долгих разговоров и многих слез дело кончилось тем, что Эмиас весело скакал по направлению к Плимуту рядом с Ричардом и, переданный из рук в руки капитану Дрейку, исчез на три года из славного города Байдфорда.

И вот теперь он возвратился с триумфом, и все взоры обращены на него. Эмиас смотрит вокруг и видит лица всех тех, кого он ждал, за исключением одного – того единственного, которого он, пожалуй, больше хотел бы видеть, чем лицо своей матери.

По окончании молитвы ректор взошел на кафедру и начал проповедь на текст: «Небеса и небеса небес принадлежат Богу, а всю землю Он отдал сынам человеческим».

---

¹⁶ Река забвения в классической мифологии.

¹⁷ В средневековой Англии школы содержались за счет объединений дворянства и буржуазии.

Ректор ловко выводил отсюда, к чрезвычайному удовольствию своих слушателей, несправедливость испанцев, лишивших индейцев их владений и захвативших власть над тропическими морями, тщеславие римского папы, присвоившего себе право жаловать испанцам новые земли в Америке, и справедливость, доблесть и славу мистера Дрейка и его экспедиции, подтвержденные чудесным покровительством, оказанным Богом ему и его команде в Магеллановом проливе, в битве с испанским галеоном и в случае у острова Целебеса¹⁸, когда «Пеликан» пролежал несколько часов, прочно пригвожденный к скале, и точно чудом был невредимо унесен внезапным порывом ветра.

Лишь только проповедь кончилась, толпа вновь устремила по направлению к «Мостовому объединению», куда Ричард Гренвайль, Джон Чистер и мэр Солтерн повели пятерых героев дня в ожидании торжества, устраиваемого в их честь. Когда они пришли туда, мало нашлось в толпе таких, кто не спешил бы позвать им руку и не только им, но и их родным и родственникам, идущим сзади. Миссис Лэй, совершенно разбитая своей радостью, могла только отвечать между всхлипываниями:

– Проходите, добрые люди, проходите, и да пошлет вам Бог таких сыновей.

– Пусть Бог вернет мне моего! – закричала из толпы старая дама в красном плаще. Затем, охваченная внезапным порывом, она устремила вперед и схватила молодого Эмиаса за рукав: – Добрый сэр, дорогой сэр! Ради всего, ответьте бедной вдове.

– В чем дело, сударыня? – учтиво спросил молодой Эмиас.

– Видели ли вы моего сына в Индии, моего сына Сальвейшин.

– Сальвейшин, – повторил он с видом человека, вспоминающего имя.

– Да, конечно, Сальвейшин Иео из Кловелли. Он высокий, черный и отчаянно ругается, когда говорит.

Эмиас вспомнил теперь. Это было имя матроса, который подарил ему чудесный рог пять лет тому назад.

– Индия велика, – сказал он, – и ваш сын, может быть, вполне здоров и невредим, хотя я и не видел его. Я знал одного Сальвейшин Иео. Но он должен был вернуться с... Кстати, интересно: вернулся ли Оксенхэм?

На мгновение вокруг воцарилось гробовое молчание, а затем Ричард тихо и торжественно сказал, отвернувшись от старой дамы:

– Эмиас, Оксенхэм не вернулся, и со дня его отплытия ни слова не было слышно ни о нем, ни о его команде.

– И никаких вестей о них?

– Никаких, только через год после его отплытия корабль, принадлежащий Эндрью Баркеру из Бристоля, отнял у испанской каравеллы где-то у Гондураса¹⁹ две ее медные пушки. Но откуда эти пушки, испанцы не знали.

– Да! – воскликнула старая женщина. – Они привезли домой пушки, но не подумали о моем сыне.

– Они не видели вашего сына, матушка, – сказал Ричард.

– Но я его видела! Я видела его во сне четыре года тому назад на Троицу так же ясно, как я вижу сейчас вас, господа. Он лежал на скале и умолял дать ему каплю воды, чтобы смочить язык. О, горе мне! – И старушка горько заплакала. – О, молодой человек, молодой человек! Дайте мне обещание привезти мне моего мальчика, если вы найдете его, плавая по морям! Привезите его, и старая вдова будет благодарна вам навек!

Эмиас обещал. Разве мог он поступить иначе? И компания заторопилась дальше.

---

¹⁸ Остров Целебес входит в группу Малайских островов.

¹⁹ Гондурас – тогда испанская колония в Центральной Америке, открытая Колумбом в 1502 г. Близость к острову Ямайке делала Гондурас одной из любимых мишеней для пиратских набегов.

Но юноша был грустен среди общего веселья. Он был полон мыслей о Джоне Оксенхэме. Как бы там ни было, теперь он из вежливости обязан был обратить внимание на зрелище, приготовленное в его честь. А зрелище в самом деле стоило посмотреть и послушать. Первой вдоль моста по направлению к ратуше, предшествуемая музыкантами, двигалась «аллегория», хитро задуманная добрым ректором. Последний взволнованно объяснял близстоящим ее значение. Далее, вызывая общее одобрение, ковыляли две больших рыбы из фольги – лосось и форель, символизирующие благосостояние Торриджа. Они двигались на двух человеческих ногах и с помощью палки, просунутой через рыбий живот. Рыбы везли (или делали вид, что везут, так как половина городских подмастерьев подталкивала их сзади, насмехаясь над одышкой властителей моря) колесницу, где сидели среди камыша и речных водорослей три или четыре хорошенькие девушки в серо-голубых мантиях, усеянных золотыми блестками; их головы были увенчаны: у одной – короной из нежной болотной мирты, у другой – хмелем и белым вьюнком, у третьей – бледным вереском и золотым папоротником. Колесница остановилась против Эмиаса. Девушка, увенчанная миртой, поднялась и, кланяясь ему и всей компании, мило краснея, пропела длинную песню. Окончив ее, она сняла с головы душистый венок и, нагнувшись, надела его на голову Эмиаса. Юноша сказал в ответ:

– Не существует места более родного, чем дом, и даже на всех, полных пряностей островах, мимо которых я плывал, нет аромата, который был бы мне более по вкусу, чем этот старый домашний аромат.

– Ее песнь была недурна, – сказал Ричард, обращаясь к леди Бэзс.

– И, за исключением некоторой деревенской простоты и односложной безжизненности, отзывается скорее Кастальскими лесами²⁰, чем Торриджскими, – ответила леди Бэзс, которой сэр Ричард мудро не возражал, так как она была ученым членом коллегии критиков и всегда оспаривала у сестры Сиднея власть вождя юфуистов²¹.

Итак, сэр Ричард не ответил, но ответ был дан за него.

– С тех пор как весь хор муз, сударыня, перебрался ко двору Уайтхолля, неудивительно, если некоторые из парнасских богов оплодотворят со временем даже наши Дивонские болота.

Это сказал высокий, гибкий, молодой человек лет двадцати пяти. Лоб его был очень высок и гладок, брови тонки и сильно изогнуты. Лицо было несколько длинным и узким, нос орлиный, а рот открывал (быть может, слишком) верхние зубы цвета слоновой кости. Но самым поражающим в его наружности был ослепительный цвет лица, затмевавший своей белизной всех прекрасных дам. Только яркие красные пятна на каждой щеке да длинная тонкая шея и восковые руки напоминали о грустной возможности, быть может, уже недалекой, которую с сожалением предвидели все, за исключением той, чьи нежные взгляды и сходство с красивой юношей сразу обличали его мать – самой миссис Лэй.

Фрэнк – это был он – был одет изысканно не столько из тщеславия, сколько из того чувства, которое побуждает некоторых людей долгие годы сохранять опрятность и аккуратность даже на необитаемом острове.

Фрэнк отошел, чтобы в качестве распорядителя празднества руководить шествием подмастерьев, хотя из-за него нимфы Торриджа были на время забыты всеми молодыми дамами и большинством молодых джентльменов.

Скоро раздался его серебристый голос:

– Посторонитесь, добрые люди, пропустите храбрых юных подмастерьев.

Показалась процессия подмастерьев, возглавляемая гигантскими доспехами из клееного холста и картона. Посреди этих доспехов торчало, как часы на колокольне, человеческое лицо,

---

²⁰ Леса Древней Греции, где, по поверью, скитались поэты.

²¹ Литературная школа той эпохи, стремившаяся к наибольшей изысканности стиля даже за счет его удобопонятности.

приветствуемое со всех сторон, как то было в моде, градом двусмысленностей и язвительных насмешек.

Затем появилась новая группа, а именно: не кто иной, как Виндекс Браймблекомб, бывший учитель, в сопровождении сорока пяти мальчиков. Остановившись перед Эмиасом, старый Виндекс вытащил очки, надел их на нос и низко поклонился, давая понять, что простил нанесенные ему некогда побои.

Лишь только исчез педагог со своими учениками, зашумел по улице папаша Нептун в короне из морских трав, с трезубцем в одной руке и живым тюленем в другой.

Его окружало несколько высоких моряков-телохранителей, а за ними несли большое знамя, на котором был нарисован глобус с кораблем Дрейка, плывущим кверху дном.

– Эй, ребята! Эй! Дуй сюда, тритон, и выноси сюда свободу морей.

Тритон, ревуший в рог, вытащил большую раковину, полную соленой воды, и торжественно вручил ее Эмиасу, который опустил в нее золотой и вернул ее лишь после того, как Гренвайль сделал то же.

– Эй, адмирал Дик! – закричал Нептун, который был уже порядком под хмельком. – Видно, в тебе настоящее английское сердце, не то, что вон в тех, которые стоят рядом и ухмыляются, словно испанская обезьяна, проглотившая шпагу.

– Спасибо. Стань-ка подальше, малый: от тебя отвратительно пахнет рыбой.

– Все хорошо пахнет на своем месте. Я отправляюсь домой.

– Я думал, ты был там все время, ведь тебе уж море по колено, – заметил Карри.

– Я – настоящий морской волк, не то, что ты, сухопутная крыса! Ты зачем строишь глазки миссис Солтерн, в то время как моя голубка из Бэрuffа играет в орлянку испанскими дублонами?

– Ступай к черту, бездельник! – закричал в бешенстве Карри, так как Нептун затронул его больное место. И не только щеки Эмиаса Лэя покраснели при этом намеке.

«Владыка морей» покотился дальше, и шествие кончилось.

Лишь только представился удобный случай, Эмиас, нахмуясь, спросил своего брата Фрэнка, где находится Роза Солтерн.

– Кто? Дочь мэра? Я полагаю, у своего дяди в Килькхэмптоне.

Лукавый мистер Фрэнк сказал Эмиасу правду, но в то же время, опасаясь непредвиденных случайностей, умудрился сказать как можно меньше правды. Фрэнк не рассказал своему брату, как он два дня тому назад умолял Розу Солтерн появиться в роли нимфы Торриджа. Она бы охотно приняла эту честь, не имея ничего против того, чтобы показать свое личико, ни против прочтения стихов, ни против репутации магнита Северного Девона. Но ее отец помешал веселой затее решительным запрещением и, невзирая на слезы, отправил дочку к дяде на Атлантическое побережье. Затем старик приехал в Бэрuff и вместе с миссис Лэй смеялся над всей историей.

– Я слишком горд, чтобы позволить кому-нибудь сказать, что горожанин Симон Солтерн посадил свою дочь на шею сыну знатной леди.

– И по правде сказать, мистер Солтерн, наши юноши достаточно ссорятся ежедневно из-за ее милого личика и без того, чтобы делать ее королевой турнира.

Последнее было совершенно правильно, так как за три года отсутствия Эмиаса Роза Солтерн превратилась в восемнадцатилетнюю девушку такой красоты, что половина Северного Девона была без ума от «розы Торриджа», как ее прозвали.

Бедный мистер Билл Карри, который всегда говорил правду не подумавши, однажды, когда старый Солтерн раздраженно спросил его на байдфордском рынке, «какого черта он строит глазки его дочери», ляпнул перед всеми окружающими:

– А какого черта вы, старина, суете такое яблоко раздора в нашу веселую компанию? Раз вы выбрали себе такую дочь, вы должны терпеть связанные с этим последствия.

На это мистер Солтерн довольно резко ответил:

– Ни я не выбирал ее, ни вы, мистер Карри.

Однако война за «розу Торриджа» продолжалась. Не проходило недели, чтоб в комнату Розы не был доставлен таинственной рукой какой-нибудь знак внимания. Все это она прятала с простодушием провинциальной девушки, получающей от подношений большое удовольствие, и спокойно принимала все комплименты, вероятно, потому, что под влиянием своего зеркала видела в них не более, как заслуженную дань.

И вот теперь, в довершение общего смятения, вернулся домой молодой Эмиас Лэй, влюбленный более, чем когда-либо. Это чувство в нем было особенно сильно, потому что, кроме матери, ему не о ком было думать, и он был чист душой, как новорожденный младенец.

Глава III

О двух джентльменах из долины, о том, как они охотились с собакой и как упустили красного зверя

Эмиас спал в эту ночь глубоким, но беспокойным сном. Его мать и Фрэнк, склонившись над его изголовьем, видели, что его мозг полон множеством видений.

И неудивительно – в довершение ко всему возбуждению сегодняшнего дня Эмиасом странно овладело воспоминание о Джоне Оксенхэме. Весь вечер, сидя в комнате с низкими окнами, где видел его в последний раз, Эмиас, сам себе удивляясь, вспоминал каждый взгляд и каждое движение исчезнувшего искателя приключений. Затем он пошел спать, но работа воображения возобновилась во сне. В конце концов Эмиас увидел, что неизвестно почему плывет на запад, на заходящее солнце. Он гонится за крошечным парусом – и это парус судна Оксенхэма. Эмиас испытывал давящее чувство, что, если он не подойдет вовремя, произойдет нечто ужасное, но его корабль не двигался с места, а он все старался плыть и старался представить себе, что плывет. Солнце село, и все кругом погрузилось во мрак, а затем поднялась луна, и неожиданно корабль Джона Оксенхэма оказался рядом с кораблем Эмиаса. Паруса на судне Оксенхэма были разорваны, а борта сгнили, и из них сочилась смола. Но что значит эта темная полоса вдоль грот-реи?²² Ряд повешенных! О ужас! С нока близко над ним висит труп Джона Оксенхэма. Он смотрит вниз мертвыми глазами и манит и указывает, как будто показывая Эмиасу дорогу, стараясь что-то сказать, не может и вновь указывает назад, туда, откуда плывет Эмиас. И когда Эмиас оглянулся назад, всюду над ним была снежная цепь Андов, залитая лунным светом, и он знал, что снова находится в Южных морях и что вся Америка лежит между ним и его домом. А труп снова указывал ему назад и смотрел на него страдальческими глазами, и его губы старались поведать какую-то ужасную тайну. Эмиас с криком вскочил, проснулся и увидел, что лежит в маленькой сводчатой комнате в дорогом старом Бэрүффе и уже брезжит серое осеннее утро.

Лихорадочно возбужденный, Эмиас напрасно старался вновь заснуть. После часа метания он встал, оделся и отправился купаться к своему излюбленному старому каменному рифу.

Вбирая в себя крепкий соленый воздух, Эмиас разделся и бросился в волны. Он нырял и кувыркался и сильными руками разбрасывал пену, пока не услышал, как кто-то зовет его с берега. Взглянув вверх, он увидел стоящую на краю плотины высокую фигуру своего кузена Евстафия. Эмиас был наполовину разочарован этим появлением. Влюбленный по уши, он всю дорогу сюда мечтал о Розе Солтерн и не нуждался в спутнике, который помешает ему мечтать о ней по дороге обратно. Однако Эмиас не видел Евстафия три года, и из простой вежливости следовало вылезть и одеться, пока его кузен гуляет взад и вперед.

Евстафий Лэй был сыном младшего брата мистера Лэя из Бэрүффа. Этот брат был более или менее оторван от своей семьи и своих соотечественников, так как он был папистом. Он жил в стороне от большой дороги в громадном шатающемся темном доме, называемом Чепл, в приходе Мурвинстоу, недалеко от дома Ричарда Гренвайля в Стоу.

Когда ревностный пастор из Мурвинстоу, открыв, что в Чепле происходят папистские обеды и идолопоклонничество, принес жалобу сэру Ричарду Гренвайлю как ближайшему

---

²² Грот-рея (вернее, грота-рея) – поперечная перекладина для привязывания парусов на мачте. В дальнейшем встречаются еще морские термины: нок – конец реи, фок-мачта – первая из трех вертикальных корабельных мачт, за ней грот-мачта и задняя бизань; бушприт – косая мачта на самом носу корабля; шпринтов – шест, прикрепляемый одним концом к низу мачты и другим – к верхнему внешнему углу паруса и служащий для того, чтобы удержать парус в натянутом виде.

мировому судье и предложил ему прибегнуть к акту Елизаветы четырнадцатого года²³, Ричард только основательно выбранил его за фанатическую нетерпимость и приказал ему заниматься собственными делами, если он не хочет, чтобы стало слишком жарко на его месте. Этому предписанию (в те времена светские власти крепко держали в руках власти духовные) достойный пастор сразу подчинился – ведь, в общем, мистер Томас Лэй исправно платил свою десятину.

И пастор спокойно продолжал поедать обеды миссис Лэй и делал вид, что ему известно призвание старого отца Франциска, которой сидел против него в одежде мирянина и называл себя преподавателем молодого Лэя.

Но эта зловещая птица имела власть над совестью бедного Лэя – отца Евстафия. Власть дала патеру земли, прежде принадлежавшие аббатству Хартланда²⁴. Многие вместе с Томасом Лэем чувствовали, что рента аббатов отягощает их кошелек. И, как Джон Булль²⁵ обычно поступает в затруднительных случаях, шли на компромисс и делали вторую глупость – баловали чужеземных священников и потворствовали или притворялись, что потворствуют их заговорам и интригам или отдавали своих сыновей в виде искупительной жертвы на воспитание в духовные семинарии в Дуэ, Реймс или Рим²⁶. Евстафий Лэй, которого отец послал в Реймс, чтобы из него сделали лжеца, и был этой искупительной жертвой. Евстафий стал великолепным лжецом. От природы он был неплохой мальчик, но им рано овладел этот порок: попы подметили в нем смутный истерический страх перед невидимым и одновременно склонность к лицемерию, которое всегда свойственно суеверным людям, и ловко использовали эти свойства для воспитания в нем лживости.

Евстафий был высокий, красивый, хорошо сложенный юноша, с громадным прямым лбом, очень маленьким ртом и сухим и решительным выражением лица. Это лицо старалось быть искренним или, вернее, казаться искренним посредством улыбок и ямочек на щеках. Доброму католику полагается питать в своем сердце христианскую любовь к ближнему. Обладающий ею должен быть весел, а когда человек весел, он улыбается. Поэтому Евстафий хотел и заставлял себя улыбаться.

Евстафий вернулся в Англию приблизительно с месяц тому назад, подчиняясь указу о том, чтобы «все, кто имеет детей в заморских странах, сообщили их имена епископу и в течение четырех месяцев призвали их на родину». Теперь Евстафий жил с отцом в Чепле, занимаясь делами «достойного» общества, в котором был воспитан. Одно из таких дел и привело его накануне ночью в Байдфорд.

Евстафий сел на камни рядом с Эмиасом, украдкой поглядывая на него, как бы боясь потревожить. Эмиас с улыбкой посмотрел прямо в глаза кузену и протянул свою львиную лапу, которую Евстафий радостно схватил. Последовало крепкое рукопожатие. Рука Эмиаса была округлена и слегка дрожала, как бы говоря:

– Я рад тебя видеть.

Евстафий жал руку жестко вытянутыми пальцами, как будто желая сказать:

– Разве ты не замечаешь, как я рад тебя видеть? Два совершенно разных приветствия!

– Осторожно, старина, ты ломаешь мне руку, – сказал Эмиас. – Откуда ты?

– Гулял по миру взад и вперед, вверх и вниз, – ответил тот с легкой улыбкой и оттенком загадочности.

– Словно дьявол. Что ж, всяк молодец на свой образец. Как поживает дядя?

Если существовал на свете человек, которого боялся Евстафий Лэй, – это был его кузен Эмиас. Прежде всего Евстафий знал, что Эмиас может убить его одним ударом, а есть натуры,

---

²³ После воцарения Елизаветы католическая религия была объявлена вне закона.

²⁴ Речь идет о перешедших в частные руки землях католических аббатов.

²⁵ Старинное прозвище англичан.

²⁶ Католические семинарии вне Англии.

которые, вместо того чтобы с радостью смотреть на более сильных и доблестных, смотрят на них с раздражением, страхом и завистью. Затем ему казалось, что Эмиас пренебрегает им. Они не встречались уже три года, но до отъезда Эмиаса Евстафий никогда не мог спорить с ним просто потому, что Эмиас не снисходил до спора с ним. Несомненно, Эмиас часто бывал с ним невежлив и несправедлив. Для Эмиаса все вопросы, касающиеся невидимого мира, которыми попы начинили ум его кузена, были просто, как он выражался, вздором и летошним снегом. Он обращался со своим кузеном, как с безвредным помешанным и, как говорили в Девоне, «полуиспеченным». Евстафий знал это и считал, что его кузен несправедлив к нему. «Он привык недооценивать меня, – говорил он себе. – Посмотрим, найдет ли он меня равным себе теперь».

– О, мой дорогой кузен, – заговорил Евстафий, – в каком я был отчаянии сегодня утром, когда узнал, что ровно на день опоздал к вашему торжеству. Лишь только смог, я поспешил в ваш дом и, узнав от вашей матери, что могу найти вас здесь, бросился сюда.

– Ладно, старина, так естественно желание друг друга видеть. Я часто думал о вас, гуляя ночью по палубе. Дядя и девочки здоровы, а старый пони умер и так далее. А как Дик – кузнец? А Нанси? Должно быть, стала прелестной девушкой? Кажется, полжизни прошло с тех пор, как я уехал.

– Вы действительно вспоминали о своем бедном кузене? Будьте уверены, что он тоже думал о вас и по ночам воссылал свои недостойные молитвы за ваше благополучие.

– Хм, – пробурчал Эмиас, который не знал, что ответить.

На его счастье, в эту минуту к ним приблизился Фрэнк. После обычных приветствий последний обратился к Евстафию:

– Идем с нами в Аппельдор, а затем домой завтракать.

Но Евстафий отклонил приглашение. По его словам, у него срочное дело в Норшэме, а затем в Байдфорде. Он оставил братьев и зашагал по гладкой, устланной дерном дорожке к маленькой рыбацкой деревушке, стоявшей у слияния Торриджа с Тэо. Евстафий Лэй сказал своим кузенам, что идет в Норшэм, но не сказал им, что конечной целью его пути был тот же Аппельдор. Он успокоил свою совесть, дойдя до первых домов деревушки Норшэма, и быстро свернул налево через поля, всю дорогу бормоча что-то о Святой Деве.

Его кузены, весело шагая, как подобает юным людям, по прямой дороге через торф подошли к Аппельдору со стороны гостиницы «Привал моряков» как раз вовремя, чтобы увидеть, почему Евстафий так старался скрыться от них. У дверей гостиницы стояли четыре лошади мистера Томаса Лэя, нагруженные мешками и чемоданами. Грум мистера Лэя держал лошадей, в то время как Евстафий Лэй и двое иностранных джентльменов садились на них.

– Соврал-таки, – проворчал Эмиас, – он сказал нам, что идет в Норшэм.

– Мы не знаем, не был ли он там, – возразил Фрэнк.

– Что? Да ты такой же гадкий иезуит, как и он, если хочешь оправдать его с помощью подобной увертки.

– Он мог изменить свое намерение.

– Да благословит Бог чистоту твоего воображения, мой ласковый мальчик! – сказал Эмиас, кладя свою большую руку на голову Фрэнка, как делала это их мать. – Дорогой Фрэнк, войдем в эту лавочку купить бечевку.

– Зачем тебе бечевка, дружище?

– Чтобы пустить волчок, разумеется.

– Волчок? С каких пор у тебя завелся волчок?

– Я куплю его в этой лавчонке и... пойми, я должен видеть, чем кончится эта игра.

Почему бы и мне не иметь заранее заготовленный предлог, как сделал бы Евстафий?

С этими словами Эмиас втокнул Фрэнка в маленькую лавчонку, которая не была видна стоявшим у дверей гостиницы.

– Что за диковинных зверей привез он! Посмотри на это трехногое существо, которое пытается взобраться на лошадь не с той стороны. Как он смешно карабкается, словно кошка на дерево.

Трехногий человек оказался высокой, смиренного вида личностью, наряженной в пышные одежды, с большим пером и с таким длинным и широким мечом, что он мало отличался по размеру от очень тонких и сухих голеней, между которыми болтался.

– Юный Давид с мечом Саула, – сказал Фрэнк.

– Лучше бы он и не нацеплял меча. Он, наверное, никогда его в руках не держал.

– Почему кто-нибудь из милосердия не тащит за ним эту штуку?

Меч, три или четыре раза отброшенный пинком со своего неудобного места между ногами, немедленно возвращался туда обратно, и, когда рукоятка оказалась немного слишком назади, оружие из-за чрезмерной длины перевязи под смех конюхов и шутки матросов стало дыбом, острием в воздухе – совершеннейший хвост.

Наконец бедняга с помощью стула влез на лошадь. Тем временем его товарищ – иностранец, дюжий топорный мужчина, столь же нарядный и вряд ли более ловкий – сделал такой стремительный прыжок в седло, что свалился бы с другой стороны, если бы его не подхватил конюх, державший стремя. Зато от этого толчка упала его шляпа с пером.

– Черт возьми, тот – с лицом бульдога – побывал в сражении. Видишь, Фрэнк, у него пробита голова.

– Этот шрам, мой сын, всего только след самых что ни на есть католических и апостолических ножниц. Мой милый глупыш, это тонзура патера²⁷.

– Чертова собака! Если бы только мои матросы видели это, они бы сунули его головой в воду. Я почти готов пойти и сделать это сам.

– Дорогой Эмиас, – произнес Фрэнк, кладя два пальца ему на руку, – эти люди, кто бы они ни были, гости нашего дяди и, следовательно, гости всей нашей семьи. Через день-два мы явимся к ним с визитом в «Чепл» и посмотрим, нельзя ли обойтись с этими лисицами, как поступает барсук с лисой, когда застаёт ее в своей норе и не может выгнать ее скверным запахом.

– Как так?

– Сует в отверстие букет душистых трав – лисицу от него тошнит.

– Ладно. Идем завтракать. Этих каналов больше не видно.

Тем не менее Эмиас не мог устоять против искушения подойти к дверям гостиницы и спросить, кто были джентльмены, уехавшие с молодым Лэем.

– Джентльмены – из Уэльса, – ответил конюх. – Они прибыли прошлой ночью на лодке из Милфордской гавани. Их зовут мистер Морган Эванс и мистер Эванс Морган.

«Мистер Иуда Искариот и мистер Искариот Иуда», – подумал Эмиас, а вслух заметил:

– Эти джентльмены из Уэльса – неважные наездники.

– Я так и сказал груму мистера Лэя, но он объяснил мне, что бедные джентльмены живут в такой гористой стране, где даже охотиться приходится пешком. Им было не так легко выучиться ездить, как здешним молодым джентльменам вроде вас, ваша милость.

– У тебя, парень, слишком бойкий язык, – сказал Эмиас, который был очень не в духе. – Уверен, что ты тоже папист.

– Что ж из этого? Королевских законов я этим не нарушаю. Я не хожу в норшэмскую церковь, но я каждый месяц плачу шиллинг в пользу бедных, как предписывает закон. Большого ни вы, ни кто другой не может от меня требовать.

– Может! Закон предписывает! А откуда такой бедный конюх, как ты, берет свои шиллинги, чтобы платить десятину? Отвечай!

---

²⁷ Католические патеры выстригали себе кружок на макушке, который назывался тонзурой.

По-видимому, ответить было трудно, потому что вопрошаемого внезапно поразила глухота.

– Слышишь? – рычал Эмиас, хватая его своей громадной лапой.

– Да, миссис, нет, миссис, – лепетал конюх, обращаясь к воображаемой хозяйке, и, выскользнув, как угорь, из-под руки Эмиаса, удрал в дом. Фрэнк схватил горячего юношу.

– Какого черта ты мне мешаешь? Этот парень – папистский шпион.

– Наверное, – согласился Фрэнк. – Но что же делать, если все графство полно ими.

– Не изображать из себя дурака перед ними, а предоставить им оставаться в дураках. Все это очень тонко. Ну, ладно. Я вспомню эту рожу, если увижу ее еще раз.

– Он никому не причиняет вреда, – сказал Фрэнк.

– Рад, что ты так думаешь.

– Ну, теперь домой. А то мои внутренности вопят, требуя питья.

Тем временем господина Морган и Эванс скакали прочь со всей скоростью, какую допускала вязкая почва. Они ехали вдоль пустынного и прохладного берега залива, по одну сторону которого лежал город Норшэм, а по другую – Портлэдж. Хорошо, что ни Эмиас Лэй, никто другой не были при том, как они въехали в скором времени в уединенный лес, который тянется вдоль южной стороны залива. Евстафий Лэй тотчас остановился. Он и его грум соскочили с лошадей, смиренно опустили на колени на мокрую траву и попросили благословения джентльменов из Уэльса. Последние благосклонно выполнили просьбу, и с той минуты Морган Эванс и Эванс Морган из Уэльса превратились в иезуитов: отца Парсона и отца Кампиана.

Через несколько минут путники двинулись дальше. Спокойной и осторожной иноходью они трусили по высокому плоскогорью, направляясь на запад, к Мурвинстоу.

Но им не суждено было мирно достичь цели своего путешествия. Не успели они доехать до громадного древнего римского лагеря, который стоял почти посреди их пути, напротив Коловелли Дайк, как услышали из долины, внизу, громкий окрик, которому ответил более слабый далеко впереди.

Отец Кампиан и отец Парсон переглянулись, и оба с ужасом посмотрели на открытое дикое безлюдное пространство с одной стороны и на громадную темную, поросшую вереском насыпь над их головами – с другой. Встревоженный Кампиан тихо заметил Парсону, что это очень мрачное место, как раз подходящее для разбойников.

– Еще более подходящее для нас, – двусмысленно произнес Евстафий. – Старые римляне знали, что делали, когда поместили свои легионы здесь, наверху. Отсюда можно наблюдать и берег и море на расстоянии многих миль. Когда-нибудь мы будем благодарны им за эти развалины. Вал совершенно не поврежден, а внутри сколько угодно хорошей воды, и, – добавил он по-латыни, – в случае, если наши испанские друзья – вы понимаете...

– Тише, сын мой, – ответил Кампиан.

Не успел он кончить, как изо рва, скрытого позади него, словно из-под земли, выскочил, ломая вереск, вооруженный всадник.

– Простите, джентльмены! – крикнул он, когда иезуит со своей лошастью отпрянул назад. – Стойте, если жизнь вам дорога.

– Мать Небесная! – простонал Кампиан, в то время как Парсон, который, как известно всему миру, был большим забиякой (по крайней мере на словах), спросил:

– Какое, черт побери, право вы имеете останавливать честных людей на большой дороге?

Но всадник, не обращая внимания на внушение Парсона, проскочил под самым носом лошади Евстафия Лэя с возгласом:

– Эй, старина, куда едешь так рано? – внимательно посмотрел одно мгновение вниз на выбоину узкой колеи и вонзил шпоры в бока своей лошади с криком: – Свежий след! Прямо на Хартланд. Вперед! Следуйте за мной, следуйте, следуйте!

– Кто этот щенок? – надменно спросил Парсон.

– Билл Карри, отчаянный еретик. Вот и другие за ним.

При этих словах из огромного рва выехали еще четверо или пятеро конных рыцарей. Позади наших путников загремели копыта. Тут их лошади, прекрасно поняв, какое предстоит им развлечение, пустились галопом.

Через минуту злосчастные иезуиты мчались по мхам и болотам в погоне за «жирным оленем».

Парсон, хоть и пошлый хвостун, не был трусом и довольно хорошо играл роль мистера Эванса Моргана, но он очень боялся, что его драгоценные мешки сорвутся и упадут на землю, бросив под копыта еретических коней и обнаружив взгляду еретических глаз собрание папских грамот, разрешений, тайной переписки и мятежных сочинений. При одной мысли об этой возможности бедняга чувствовал, как его голова слетает с плеч.

Но будущий мученик, мистер Морган Эванс, сразу предался гнусному отчаянию и тщетно пытался найти утешение в восклицаниях на латинском языке:

– Ох, какое колючее седло! Варвары островитяне!

Между тем недалеко от него ехал храбрый рыцарь, которого мы уже хорошо знаем, Ричард Грейнварль. Накануне он пригласил Карри и других провести у него ночь, а затем выехал с ними в пять часов утра, чтобы после здоровой ранней прогулки поднять оленя в долинах Букиша с помощью гончих мистера Коффина из Портлэджа. Будучи таким же хорошим латинистом, как сам Кампиан, он разобрал и отрывки псалмов и «варваров островитян», после чего пустил свою лошадь рядом с лошадью мистера Евстафия Лэя и при первой же остановке сказал, отвесив низкий поклон в сторону иностранцев.

– Я надеюсь, мистер Лэй окажет мне честь представить меня своим гостям. Я был бы очень огорчен и мистер Карри также, если бы чужестранцы пробыли хоть день нашими соседями и не дали нам возможности самолично отблагодарить их за их присутствие и узнать, кто они, почтившие своим посещением наш западный Туле²⁸.

Единственно, что мог после этого сделать бедный Евстафий, – это представить в должной форме мистера Эванса Моргана и мистера Моргана Эванса. Бедняги, услышав страшное имя и, еще хуже того, увидев страшное лицо со спокойными проницательными глазами, почувствовали себя как пара куропаток во ржи при виде ястреба, парящего над их головами.

– Джентльмены, – ласково обратился к ним сэр Ричард со шляпой в руках, – я опасаясь, что ваша поклажа обременяет вас при этом неожиданном галопе. Если вы разрешите моему груму – он находится сзади – избавить вас от заботы о ней и доставить ваши вещи в Чепл, вы оба окажете мне честь, а сами получите удовольствие наблюдать охоту вблизи.

Искорки смеха, несмотря на все усилия сдерживать их, зажглись в глазах сэра Ричарда при этом испытующем намеке. Оба джентльмена из Уэльса рассыпались в неуклюжих благодарностях, но, жалуясь на большую спешку и усталость от долгого путешествия, остались в тылу «и исчезли со своим проводником, лишь только след зверя был найден.

– Билл! – воскликнул сэр Ричард, подъезжая к молодому Карри. – Иезуиты, Билл.

– Подлый лгун может удрать с ними через ближайшие скалы.

– Они этого не сделают, пока идут ирландские волнения. Эти молодцы явились устраивать делишки Саундерса и Десмонда²⁹.

– Быть может, они везут с собой освященное знамя! Нельзя ли мне и молодому Коффину нагнать их? Обидно, когда честные люди не смеют раз в жизни ограбить воров.

– Не нужно. Дай дьяволу веревку, и он сам повесится. Держи язык за зубами и гляди в оба, Билл.

– Как так?

---

²⁸ В представлении древних римлян отдаленный остров где-то на северо-западе.

²⁹ Вожди ирландских католиков.

– Пусть стерегут день и ночь побережье Кловелли, как мышиную нору. Никто не сможет обогнуть мыс Харти при этих юго-восточных ветрах. Останавливайте всякого, у кого есть хоть намек на ирландское произношение – и приезжающих и уезжающих, – и направляйте их ко мне.

– Кто-нибудь должен охранять гавань Буд, сэр!

– Предоставь это мне. Вперед, джентльмены. Не то олень переплывет озеро Аввей!

Прокладывая себе дорогу через дубовую поросль и кусты папоротника, всадники с треском и грохотом помчались к Хартландской долине. Лай охотничьих собак и звуки рога удалялись, слабели и замирали вдали. В это время успокоившиеся заговорщики, прищипывая лошадей, проезжали мимо Бурдсона.

Но у Евстафия Лэя были другие мысли и другие заботы, помимо безопасности двух таинственных гостей его отца, как ни были они значительны в его глазах. Он был одним из многих, кто испил сладкого яду (хотя вряд ли в данном случае его можно было назвать сладким) магических чар Розы Торриджа. Он увидел ее в Лондоне и в первый раз в жизни влюбился. В любви Евстафия было очень мало, вернее, даже совсем не было рыцарства или чистоты. Эти добродетели в Реймсе не преподавались. Он стремился жениться на Розе Солтерн с эгоистической страстью, лишь для того, чтобы иметь возможность назвать ее своей собственностью и отстранить от нее всех других. Но пока что сватовство Евстафия было в самом зародыше. Он не мог сказать, знает ли Роза о его любви, и проводил отчаянные часы, думая о вещах, сводящих его с ума; всю ночь он ворочался на своей жесткой постели, наутро вставал сумрачный и бледный и начинал изыскивать все новые предлоги, чтобы пройти мимо дома ее дяди.

Глава IV

Две манеры быть влюбленным

А что происходило в это время с прекрасной Розой Торриджа?

Она сидела в маленьком загородном домике за мельницей, потонувшем в зеленой глубине долины Камбо, на полдороге между Стоу и Чеплом, и злилась на свое изгнание из Байдфорда. Она была так одинока, что хотя и относилась к Евстафию Лэю почти с отвращением, не могла удержаться от того, чтобы не поболтать с ним всякий раз, когда он проходил мимо, направляясь на ферму или на мельницу. А он это делал под любым предлогом чуть ли не каждый день. Ее дядя и тетка вначале смотрели довольно неодобрительно на его визиты, и тетка всегда старалась присутствовать при их беседах. Но все-таки мистер Лэй был сыном джентльмена; и не следовало быть неучтивым с соседним сквайром – постоянным хорошим покупателем. А Роза была дочерью богатого человека, они же были бедными родственниками; поэтому и с ней не следовало ссориться. К тому же хорошенькая девушка то упрямым, то милыми уловками обычно добивалась всего, чего хотела. И она сама была достаточно умна, чтобы просить тетку никогда не оставлять их наедине, так как она не может выносить взгляда мистера Евстафия.

Тем временем Евстафий, который хорошо знал, что разница исповеданий была, пожалуй, самым сильным препятствием на пути его любви, тщательно скрывал свои замыслы. Вместо того чтобы заниматься обращением населения мельницы, он ежедневно покупал молоко или цветы и дарил их старой женщине в Мурвинстоу (она находила, что он хотя и папист, а славный молодой человек). Наконец, посоветовавшись с Кампианом и Парсоном, он решил первым делом отправиться вместе с ними в церковь.

Господа Эванс Морган и Морган Эванс, напичкав себя заранее правилами протестантского богослужения, держались в церкви совсем как полагается и ничем не выделялись. То же делал и бедный Евстафий, к большому удивлению всего честного народа.

Оба иезуита, хотя считали нужным внешне подчиняться существующей власти, были усиленно заняты созданием тайных заговоров с целью ее свержения. С апреля прошлого года они играли в прятки то там, то здесь по всей Англии. Теперь они спокойно ждали, когда вести из Ирландии подадут им знак, что Великое восстание Запада готово сбросить с трона «упрямую, надоевшую, нечестивую, незаконную, распутную, отлученную от церкви узурпаторшу, именующую себя королевой Англии».

Вскоре после приезда Кампиан сказал Парсону:

– В воздухе пахнет женщиной. Клянусь жизнью! Я видел вчера, как малый покраснел до слез, когда мать спросила его, вернулась ли уже некая Роза Солтерн или кто-то там еще.

В результате этой беседы через день или два отец Кампиан попросил отца Франциска, домашнего капеллана, в виде особой любезности разрешить ему выслушать обычную исповедь Евстафия в следующую пятницу.

Бедный отец Франциск не осмелился отказать такому важному лицу и согласился с внутренним вздохом. Ему было ясно намерение Кампиана выпытать какую-то семейную тайну, и он понимал, что благодаря этому его влияние уменьшится, а влияние иезуита возрастет.

Во всяком случае, Кампиан выслушал исповедь Евстафия и, поставив ему ряд вопросов, открыл, что тот влюблен. Кампиан улыбнулся и еще усиленнее принялся за работу, чтобы узнать, кто «она».

Каждый вопрос – замужем ли она или девушка, католичка или еретичка, англичанка или иностранка – приближал его к цели. Наконец Кампиан увидел, что дело не так уж плохо, и прямо спросил Евстафия, какими мирскими благами она располагает.

– Даже если бы она была еретичкой, она остается наследницей одного из богатейших девонских купцов.

– Ага! – задумчиво произнес Кампиан. – И вы говорите, ей всего восемнадцать лет?

– Всего восемнадцать.

– Ага! Хорошо, сын мой, у нас есть еще время. Она сможет присоединиться к святой церкви, или вы сможете переменить веру.

– Я скорее умру.

– Ах, бедный мальчик! Хорошо, она сможет присоединиться, а ее состояние может быть использовано для дела церкви.

– И оно будет использовано. Только дайте мне отпущение и дайте мне покой. Позвольте мне лишь иметь ее! – воскликнул Евстафий жалобно. – Я не хочу ее состояния! Дайте мне только ее! Все остальное, не только деньги – слава, талант, сама моя жизнь, если понадобится, будут к услугам святой церкви. Я буду счастлив доказать мою преданность какой-нибудь особой жертвой, каким-нибудь отчаянным поступком. Испытайте меня и посмотрите, существует ли что-либо, чего бы я не совершил.

– Все это прекрасно, сын мой, – сказал Кампиан. – Есть одна вещь, которая должна быть сделана, но, быть может, с риском для жизни.

– Испытайте меня! – нетерпеливо крикнул Евстафий.

– Вот письмо, которое было мне доставлено прошлой ночью – неважно откуда. Вы можете понять его лучше, чем я, и я мечтал показать его вам, но я опасался, что вы не согласитесь.

– В таком случае вы напрасно опасались, мой дорогой отец Кампиан.

Кампиан прочитал ему зашифрованное письмо.

«Эвансу Моргану,
живущему в доме мистера Лэя
в Мурвинстоу, Девоншир.

Новости могут быть получены тем, кто пойдет на берег в любой вечер после 25 ноября во время отлива, там подождет лодки, управляемой человеком с рыжей бородой и португальским произношением. Если его спросят “сколько”, он ответит “восемьсот один”. Возьмите у него письма и прочтите их. Если берег охраняется, пусть тот, кто придет, трижды зажжет свет в безопасном месте под скалой над городом: внизу опасно высаживаться. Прощайте и ждите больших событий».

– Я пойду, – сказал Евстафий. – Завтра двадцать пятое ноября, и я знаю верное и безопасное место. По-видимому, ваши друзья хорошо знают эти берега.

– О, разве существует что-либо, чего мы не знаем? – ответил Кампиан с таинственной улыбкой. – А теперь?..

– А теперь, чтобы доказать, насколько я вам доверяю, вы пойдете со мной и увидите ту, кем полны мои мысли, хотя я не должен был бы думать о ней, так как она – протестантка и дочь горожанина.

– О, сын мой, разве я не дал вам отпущения? Тем не менее я пойду и для того, чтобы доказать, что я доверяю вам, и для того, чтобы, возможно, помочь обращению еретички и спасению погибшей души – кто знает?

Итак, они отправились вместе и как раз достигли вершины холма между Чеплом и мельницей Стоу, когда из переулочка вышла сама Роза Солтерн.

Она быстро шла крошечными шажками, высокая, гибкая, грациозная, настоящая западная девушка. Когда она присела с милым румянцем и прошла, даже Кампиан посмотрел вслед прелестному невинному созданию, чьи длинные темные локоны, по местной моде, вились из-под капора, ниспадая до самой талии.

– Вы позволите мне вернуться на один момент? Я догоню вас, отпустите меня!

Кампиан видел, что говорить «нет» бесполезно, и утвердительно кивнул.

Евстафий бросился в сторону и, перебежав через поле, встретил Розу у следующего поворота дороги.

Она остановилась и испустила легкий крик.

– Мистер Лэй, я думала, вы ушли вперед.

– Я вернулся поговорить с вами, Роза... мисс Солтерн, хотел я сказать.

– Со мной?

– Я должен говорить с вами! Не гневайтесь, не уходите, умоляю вас! Роза, выслушайте меня только! – И, страстно схватив ее руку, он излил всю историю своей любви, осыпая девушку самыми фантастическими эпитетами.

Вероятно, во всех его словах было мало такого, чего бы Роза уже много раз не слышала прежде, но в его голосе был трепет, а в глазах огонь, которых она инстинктивно ужаснулась.

– Уйдите прочь! – ответила она, вырываясь и разразившись слезами. – Вы слишком дерзки. Оставьте меня, уходите, или я позову на помощь!

Евстафий где-то слышал или читал, что подобные выражения в устах женщины чаще всего только притворство, и решил, что она собирается звать на помощь. Но ее сопротивление было серьезным, и громкий крик показал ему, что, если он желает спасти свое доброе имя, он должен уйти.

Она вырвалась от него, пробежала мимо и бросилась вниз, в переулок.

– Запомните это! – крикнул он ей вслед. – Вы пожалеете о дне, когда пренебрегли Евстафием Лэем!

И он вернулся, чтобы присоединиться к Кампиану, который стоял в раздумье.

– Не обидели ли вы девушку, сын мой? Мне показалось, я слышал крик.

– Обидел ее! Нет. Однако лучше бы она умерла и я вместе с ней! Не говорите со мной больше, отец. Мы пойдем домой.

Даже Кампиан имел достаточно жизненного опыта, чтобы понять, что произошло. И оба молча поспешили домой.

Так Евстафий Лэй сыграл свою игру и проиграл. Роза, добежав почти до Чепла, остановилась, горя от стыда, потом тихо пошла к домикам на окраине и вышла на дорожку, ведущую в деревню Мурвинстоу. Но она была такая красная и возбужденная, что побоялась войти в деревню из опасения (как она себе сказала) дать повод к людским толкам. Поэтому она свернула на боковую тропинку и пошла по направлению к прибрежным скалам, чтобы освежить пылающее лицо дуновением морского ветра. Там, найдя спокойный, поросший травой уголок под утесом, она уселась на дерн и погрузилась в глубокие размышления. Роза не только прекрасно знала, что за ней ухаживали, но находила это ухаживание чрезвычайно приятным. Не то чтобы ей особенно хотелось разбивать сердца: она бы не разбила своего сердца ни для кого из всех поклонников – так почему должны они разбивать свои сердца для нее? Они все были очень милы – каждый по-своему, но ни одного из них она не считала лучше других.

Бедная маленькая Роза! Если б у нее была мать! Но ей пришлось брать уроки жизни в другой школе. Она была слишком стыдлива (слишком горда, быть может), чтобы рассказать тетке о своем великом смятении. Но совет ей был необходим. Она просидела, сжав голову руками, более получаса; затем стремительно встала и пошла вдоль скал по направлению к Марслэнду. Она решила повидать Люси Пассимор – «белую колдунью»³⁰. Люси все знает и скажет ей, что делать, возможно, даже – за кого выйти замуж.

---

³⁰ Белая колдунья в чарах пользуется исключительно белой магией, т. е. «тайными» силами природы, и не прибегает к содействию Сатаны (черная магия).

Люси была тучной веселой женщиной пятидесяти лет, с маленькими лисьими, сверкающими, как огонь, глазами. Ее достоинствами в профессии «белой колдуньи» были бесконечная хитрость и столь же бесконечное добродушие, замечательное знание людских слабостей, некоторая гипнотическая сила, некоторое умение лечить, твердая вера в силу своих собственных чар и умение держать язык за зубами. Благодаря всему этому она зарабатывала большие деньги и достигла власти над простым человеком на много миль вокруг.

Рози приблизилась к жилищу колдуньи. Та сидела у очага и гнала водку из порея. Но лишь только гостья появилась в дверях, перегонный куб был брошен на произвол судьбы, и, накинув чистый передник, Люси приветствовала Рози с бесконечной любезностью.

– Господи благослови, кто бы мог подумать, что Роза Торриджа посетит мое бедное жилище!

Рози села. А дальше? Она не знала, как начать. Она просидела молча целых пять минут, сосредоточенно уставившись на носок своей туфли, пока многоопытная Люси не нашла лучшим сразу приступить к делу и избавить Рози от сложной задачи самой начать распутывать клубок. Со своей обычной манерой, полураболепной, полуфамильярной, она заговорила:

– Ну, моя дорогая юная леди, что я могу сделать для вас? Я догадываюсь, вам нужна небольшая помощь старой Люси, а? Хотя я очень смущена, что вижу вас у себя: я думала, что это хорошенькое личико может само управиться с такого рода делами, а?

Столь внезапно атакованная, Рози исповедалась и, краснея и смущаясь, скоро дала понять Люси, что хотела бы выслушать предсказание своей судьбы.

– А? О, я вижу. Хорошенькое личико уж натворило бед, а? Слишком много «их»? Бедные создания! Это не так-то легко. Один хорош для одного, другой для другого, а? У одного происхождение, у другого деньги.

И ловкая женщина, обращаясь наполовину к себе самой, перебрала все имена, чьи владельцы, по ее предположению, засматривались на Рози. При этом она искоса поглядывала своими блестящими лисьими глазками, между тем как Рози упорно помешивала торфяную золу носком своей маленькой туфли, разгневанная, пристыженная, испуганная тем, что эта женщина так хорошо отгадывала имена ее воздыхателей и ее мысли о них. Рози старалась сохранить беспечный вид, кого бы Люси ни называла.

– Хорошо, хорошо, – говорила Люси, которая ничего не узнала из ее движений, – думайте, думайте, жизнь моя, и когда вы остановите на ком-нибудь свое внимание, ну, тогда, может быть, я смогу помочь вам увидеть его.

– Увидеть его?

– Его дух, жизнь моя, я говорю только о духе. Я не стала бы устраивать в своем доме свидания ни за какие деньги, но я могу вызвать его дух, чтобы увидеть, верен ли он. Ведь вы хотели бы это знать, разве не хотели бы, дорогая?

Рози вздохнула и сердито отодвинула золу.

– Я должна сначала знать, кто он. Если бы вы могли мне показать его сейчас!

– О, я могу показать вам это тоже, могу. Есть способ, верный способ. Но так смертельно холодно в это время года.

– Ну так что же? – спросила Рози, в глубине души мечтавшая о чем-нибудь именно в этом роде и почти готовая просить Люси прибегнуть к колдовству.

– Ну а вы не побойтесь войти на минутку в море ночью, нет? Завтрашняя ночь может пригодиться. Как раз завтра будет отлив.

– Если вы пойдете со мной, может быть...

– Пойду, пойду, постерегу вас, будьте спокойны. Только помните, душенька, никому ни словечка, ни за что на свете, не то ничего не увидите! Ну, попробуем немного колдовства. Хотите?

Рози не могла устоять против искушения. Они столкнулись, и на следующую ночь было назначено колдовство за небольшую плату (Люси жила своей торговлей.) Опустив заслуженный золотой в руку почтенной дамы, Рози ушла.

Тем временем, в тот самый час, когда Евстафий преследовал свою избранницу в Мурвинстоу, совсем другая сцена разыгралась в комнате миссис Лэй в Бэрэффе.

Накануне ночью, отправляясь спать, Эмиас услышал, как его брат Фрэнк в соседней комнате настраивает лютню и начинает петь. Оба окна были открыты; комнаты разделялись лишь тонкой перегородкой, и восхищенный слух Эмиаса улавливал каждое слово любовной песенки, напеваемой нежным мелодичным тенором, которым Фрэнк славился среди прекрасных дам.

Когда певец кончил, Эмиас крикнул через стену:

– Спокойной ночи, старый дрозд, я полагаю, мне незачем платить музыкантам.

– Как, ты не спишь? – ответил Фрэнк. – Иди сюда и усыпи меня морской песней.

Эмиас вошел и увидел, что Фрэнк лежит одетый на постели.

– Я плохо сплю, – сказал он, – боюсь, что я провожу больше времени, сжигая масло³¹, чем полагается благоразумному человеку. Будь моим миннезингером³², расскажи мне об Андах, о каннибалах, о ледяных и об огненных странах, о райских местах Запада.

Эмиас сел и начал рассказывать, но почему-то всякий рассказ неизменно возвращался к имени Рози Солтерн: как он думал о ней тут и как думал о ней там; как хотел знать, что бы она сказала, если бы видела его при таком-то приключении; как мечтал взять ее с собой, чтобы показать ей восхитительный вид, пока Фрэнк наконец не предоставил ему свободы.

– Теперь иди спать, – сказал он ему смеясь, – а завтра утром отдай свой меч матери спрятать, иначе у тебя появится искушение проткнуть кого-нибудь из поклонников Рози.

– Не бойся, Фрэнк, я не забияка, но если кто-нибудь станет на моем пути, я поступлю с ним как с собакой и переброшу его через набережную в воду охладить его пыл, не будь мое имя Эмиас.

И гигант, переваливаясь, со смехом вышел из комнаты.

Он проспал всю ночь, как тюлень, и видел сны о Рози Солтерн.

На следующее утро Эмиас, по обыкновению, вошел в комнату матери. Эта комната выглядела такой уютной после трехлетних скитаний по безлюдным странам! Тихонько подойдя к двери, чтобы не помешать, он незаметно вошел и застыл при виде зрелища, представившегося его глазам.

Миссис Лэй сидела в кресле, низко склонившись над головой его брата, Фрэнка, который стоял перед ней на коленях, спрятав лицо в складках ее платья. Эмиас мог видеть, что все тело Фрэнка вздрагивало от сдерживаемого волнения.

– Но не жену, – говорил Фрэнк глухим от рыданий голосом. – Я – ваш сын, и вы должны знать это, даже если Эмиас никогда не узнает.

Оба они увидели Эмиаса, взрогнули и покраснели. Мать взглядом выслала его, и он вышел, словно оглушенный. Почему было упомянуто его имя?

Так вот что означала вчерашняя песенка! Поэтому ее слова так глубоко запали в его сердце. Его брат оказался его соперником. А он рассказал ему вчера всю историю своей любви. Каким бессмысленным глупцом был он! Фрэнк слушал с такой добротой, даже пожелал ему успеха в его намерениях. Какой он джентльмен, старина Фрэнк! Неудивительно, что королева и все придворные дамы так любят его. Если до этого дошло, то что удивительного, если и Рози Солтерн любит его.

«Так-так! Хорошенькую рыбку нашел бы я в своих сетях!» – размышлял Эмиас, шагая по саду.

---

³¹ Намек на освещение масляными светильниками.

³² Придворный певец в средневековой Германии.

И в отчаянии хватаясь за золотые кудри, словно желая удержать на плечах свою бедную, сбитую с толку голову, он большими шагами ходил взад и вперед по усыпанному ракушками саду, пока голос Фрэнка, веселый, как всегда, окликнул его:

– Иди завтракать, парень, и перестань давить эти злосчастные ракушки. От их скрипа я чувствую оскомину на зубах.

Благодаря стараниям держать голову прямо Эмиас к тому времени уже привел свои мысли в порядок. Он вошел в дом и с яростью набросился на жареную рыбу и крепкий эль, как бы решившись в тот день во всех отношениях выполнить свой долг до конца. Его мать и Фрэнк с тревогой и ужасом смотрели на него, не зная какой оборот могут принять его мысли при этом новом обстоятельстве.

Тогда Эмиас приступил к своему трудному делу:

– Слушай, брат Фрэнк, я все это обдумал в саду. Конечно, ты любишь ее! Я был глупцом, что не сообразил этого. А если ты ее любишь – наши вкусы сходятся, и это очень хорошо. Я достаточно хорош для нее, надеюсь. Но если я хорош, то ты еще лучше. И хорошая собака бежит, но зайца хватается лучшая. А потому мне здесь больше нечего делать. Это очень мучительно, – продолжал Эмиас с забавно страдальческим лицом, – но мучительны сотни вещей – такова жизнь, как сказал охотник, когда лев тащил его. Когда нет хлеба, приходится грызть корку. Итак, я поступлю в ирландскую армию и выброшу все это из головы. Пушечные ядра отпугивают любовь так же хорошо, как отпугивает ее бедность. Вот все, что я хотел сказать.

С этими словами Эмиас вернулся к своему пиву, в то время как миссис Лэй плакала слезами радости.

– Эмиас, Эмиас, – воскликнул Фрэнк, – ты не должен ради меня отказываться от надежды стольких лет!

Эмиас сжал зубы и старался сохранить весьма решительный вид. Затем внезапным прыжком он ринулся к Фрэнку, обнял его и всхлипнул:

– Довольно, довольно теперь! Забудем все, будем думать о нашей матери, о старом доме и о его чести. Каким ослом я был все эти годы! Вместо того чтобы изучать мое дело, я мечтал о ней, а сейчас не знаю, думает ли она обо мне больше, чем об учениках своего отца.

– Мой дорогой Эмиас, я прогнал все мысли о ней сегодня утром.

– Только сегодня утром? Еще есть время вернуть их, пока они не слишком далеко ушли.

Фрэнк спокойно улыбнулся:

– С тех пор протекли столетия.

– Столетия?! Я что-то не замечаю большого количества седых волос.

– Я бы не удивился, если б они у меня были, – произнес Фрэнк таким грустным и значительным голосом, что Эмиас мог только ответить:

– Ладно, ты все-таки ангел!

– В таком случае ты нечто большее – ты человек!

Оба сказали правду, и, таким образом, борьба окончилась; Фрэнк пошел к своим книгам, а Эмиас, который, когда не спал, всегда действовал, отправился в адмиралтейство потолковать о новом корабле сэра Ричарда. Он забыл свои горести, ораторствуя среди матросов.

Глава V

Поместье Кловелли в старое время

На следующее утро Эмиас Лэй исчез. Не с целью погрузиться в отчаяние и даже не с целью плакать над собой, «бродя по берегам Торриджа». Он просто поскакал к Ричарду Гренвайлю в Стоу. Его мать сразу догадалась, что он отправился просить назначения в ирландскую армию, и послала вслед за ним Фрэнка вернуть его и заставить вновь обдумать свое решение.

Фрэнк оседлал коня и проехал миль десять или больше, а затем, так как в те дни по дороге не было гостиниц и ему предстояло еще добрых десять миль холмистого пути, он свернул в сторону и отправился к поместью Кловелли, где по гостеприимному обычаю того времени его и его лошадь ждал радушный прием мистера Карри.

Как только Фрэнк вошел в длинный, темный, украшенный панелями зал поместья, первое, что он увидел, была громоздкая фигура Эмиаса. Сидя за длинным столом, Эмиас не то всунул свое лицо в пирог, не то пирог в лицо. По-видимому, горе только усилило его аппетит. На противоположной скамье стоял на коленях, опершись локтями на стол, Билл Карри и убеждал его в чем-то.

– Эй, брат! – крикнул Эмиас. – Иди сюда и освободи меня из рук этого людоеда. Он, право, убьет меня, если я не разрешу ему убить кого-либо другого.

– А, мистер Фрэнк! – воскликнул Билл Карри, который, как и другие местные молодые люди, очень почитал Фрэнка и считал его настоящим оракулом в вопросах моды и рыцарских манерах, – добро пожаловать, я как раз мечтал о вас. Мне нужен ваш совет в сотне дел. Садитесь и ешьте. Вот эль.

– Не так рано, благодарю вас.

– О нет! – сказал Эмиас, погружая голову в кубок и подражая Фрэнку. – Избегайте крепкого эля по утрам. Он горячит кровь, разжигает пыл, омрачает мозг яростью и бешенством и затмевает свет чистого разума. Эй, юный Платон, молодой Даниил, иди сюда, будь судьей! А все-таки, хоть уж видно дно кубка, я еще вижу достаточно ясно, чтобы видеть, что Билл не будет драться.

– Не буду? Кто это говорит? Мистер Фрэнк, я обращаюсь теперь к вам. Только выслушайте.

– Мы на судейском кресле, – заявил Фрэнк, принимаясь за пирог. – Обвинитель, начинайте.

– Хорошо, я рассказал Эмиасу о Томе Коффине из Портлэджа; я не могу выносить его больше.

– Зато он просто великолепно сам себя выносит, – вставил Эмиас.

– Придержи язык, черт тебя побери. Какое он имеет право так смотреть на меня, когда я прохожу мимо?

– Зависит от того, как он смотрит. И кошка может смотреть на короля, лишь бы она не приняла его за мышь.

– О, я знаю, как он смотрит и что он думает; он перестанет так смотреть, или я заставлю его перестать. Простой раз, когда я сказал «Рози Солтерн»...

– Я знаю, что он написал сонет и послал его в Стоу через рыночную торговку. Какое право он имеет писать сонеты, раз я не умею? Это нечестная игра, мистер Фрэнк, провались я на месте. Разве это не повод для ссоры?

И Билл стукнул по столу так, что все блюда запрыгали.

– Мой дорогой рыцарь пылающего жезла, у меня есть блестящий план, возможность все распутать согласно самым лучшим правилам рыцарства. Назначим день и созовем барабанным

боем всех молодых джентльменов не старше тридцати, живущих на расстоянии пятнадцати миль от замка нашей несравненной Орианы.

– И всех подмастерьев! – крикнул Эмиас из глубины пирога.

– И всех подмастерьев. Храбрые молодцы вначале станут драться дубинами на байдфордском рынке, пока все головы не будут разбиты. Чья голова уцелеет, тот заплатит спиной. После сего великого побоища все молодые люди изберут подходящее поле и, сбросив верхнюю одежду, с остро отточенными шпагами одинаковой длины бросятся друг на друга – хватай любого. Победитель будет снова драться – так принято среди боевых петухов – пока все не погибнут и не избавятся от своих страданий. Затем единственный, оставшийся в живых, оплакав перед небом и землей жестокость нашей прекрасной Орианы и избиение, вызванное ее глазами василиска, грациозно бросится на свой меч. Так окончатся горести нашего поколения влюбленных³³.

– Право, это ужасно, – ответил Карри.

– Таково, простите меня, ваше желание пронзить мистера Коффина чем-либо острее шпильки.

– Шпильки слишком коротки для столь свирепого Боабдилла³⁴, – заметил Эмиас. – Шпильки заставят их столкнуться так близко, что они тотчас же перейдут на кулаки.

– Так пусть поливают друг друга водой из насосов на рыночной площади, так как, клянусь небом и королевскими законами, другим оружием они не будут драться.

– Клянусь Небом! – крикнул Эмиас. – Фрэнк говорит, как книга. Что касается меня, я полагаю – джентльмен оставит любовные ссоры быкам и баранам.

– А наследник Кловелли, – улыбаясь, закончил Фрэнк, – может найти лучшие образцы для подражания, чем олени из его собственного парка.

– Пусть так, – сокрушенно промолвил Билл. – Вы большой ученый, Фрэнк, но джентльмен должен иногда драться, иначе что станет с его честью?

– Я говорю, – ответил несколько надменно Фрэнк, – не просто как ученый, а как джентльмен, как человек, который сражался на своем веку и которому, мистер Карри, случилось убивать своих противников. Но я с гордостью вспоминаю, что никогда не сражался из-за личной ссоры и, надеюсь, никогда этого не сделаю.

– Что же мне делать? – спросил Билл. – Я хочу пойти завтра на базар; если там будет полно Коффинов и каждый из них начнет дразнить меня?

– Предоставь все мне, – сказал Эмиас. – У меня есть свой план – он не хуже плана ученого Фрэнка. Если завтра на базаре произойдет ссора, как я предполагаю, увидишь, если я не...

– Ладно, вы оба добрые малые, – перебил Билл. – Давай выпьем еще кубок.

– А теперь выпьем за здоровье мистера Коффина и всех доблестных юношей севера и перейдем к делу. Я должен доставить этого беглеца домой, к его матери. Если он не пойдет добровольно, я получил приказ перебросить его через седло.

– Надеюсь, у твоей лошади крепкий круп, – рассмеялся Эмиас. – Я должен повидать сэра Ричарда, Фрэнк. Очень приятно так пошутить, как мы шутили, но я принял твердое решение.

– Стой, – прервал Карри, – сегодня вечером вы должны остаться здесь; прежде всего ради хорошего обеда, а затем потому, что мне нужен совет нашего Феникса, нашего оракула, нашего образцового рыцаря. Вот, Фрэнк, можете вы перевести мне это? Только говорите оба тихо – идет мой отец. Лучше отдайте мне письмо. Здорово, отец. Откуда ты?

– Эге, да здесь целая компания! Молодые люди, вы и вам подобные – всегда желанные гости. Как поживает ваша матушка, Фрэнк? Где я был, Билл? На ферме, смотрел быков. Но

---

³³ Эта речь Фрэнка является пародией на средневековые рыцарские романы.

³⁴ Боабдил, или Абу-Абдала – последний король (1481—491) мусульманского королевства Гренады.

я голоден. Половина первого – и еще нет обеда? Что я вижу, мистер Эмиас утоляет жажду крепким элем. Лучше попробуем глинтвейна.

Старик уселся на большую скамью у камина, и его сын стал трудиться над стаскиванием отцовских сапог, получая ежеминутные предостережения насчет мозолей.

– Куда ты едешь, Эмиас? – спросил Билл.

– Куда я еду? – переспросил Эмиас. – В ту сторону, которую Рэли³⁵ назвал страной нимф. Я надеюсь, что следующий месяц застанет меня на чужбине в Ирландии.

– На чужбине?..

– Скажи лучше на родине, – заявил старый Карри. – Она с одного конца до другого полна уроженцев Девона, ты все время будешь среди друзей. Однако вот идут слуги, я слышу, как повар стучит к обеду.

После обеда Билл Карри, придвинув свой стул вплотную к стулу Фрэнка, осторожно сунул ему в руки грязное письмо.

– Это письмо было мне доставлено сегодня утром деревенским парнем. Взгляните на него и скажите, что мне делать?

«Мистер Карри, стерегите сегодня ночью на стороне Заповедника. Когда ирландская лисица выскочит из-за утесов – хватайте ее и крепко держите».

– Я показал бы это отцу, – сказал Билл, – но...

– Я думаю, что это какая-то уловка. Смотрите, это почерк человека, который старался писать неграмотно и все-таки не мог. Взгляните на это и на это – такие образцы не преподаются в ирландской школе. И больше того – это писал не девонец.

– Разумеется.

– И мы бы сказали «человека» вместо «ее»?

– Верно! О, Даниил! Но значит ли это, что мне ничего не нужно делать?

– В этом вопросе я не судья. Спроси Эмиаса. Вероятно, из своего путешествия вокруг света он вывез некоторый опыт.

Эмиас был вызван на совет.

Он подумал минуту, запустив обе руки в длинные кудри, а затем:

– Билл, милый мой, тебе приходилось сторожить в стороне Заповедника в последнее время?

– Никогда.

– Тогда где же?

– На городской набережной.

– Еще где?

– В центре города.

– Еще где?

– Ого, малый стал адвокатом! Около Фрешуотера.

– Где находится Фрешуотер?

– Ну, где водопад – на расстоянии полумили от города. Там наверху есть тропинка в лес.

– Знаю. Я буду сторожить там сегодня ночью. Все часто посещаемые места, конечно, охраняются. И пошлите парочку здоровых слуг на мельницу на всякий случай – автор письма мог сообщить и правду. Но мое сердце чувствует, что оно написано нарочно, чтобы отвлечь тебя.

– Но почему вы склонны сторожить именно Фрешуотер, мистер Эмиас?

– Потому, что те, кто явятся, если только они явятся, никогда не высадутся в Мусмилле. Если это иностранцы, они не осмелятся; если это местные люди, они слишком опытные, чтобы подъехать, пока не подует западный ветер. Высадиться у города было бы слишком большим

---

³⁵ Сэр Фрэнсис Рэли (Роли) (1552–1618) – придворный, мореплаватель, ученый, воин и поэт, одно время любовник «девственной» королевы Елизаветы.

риском, а Фрешуотер уединен, как Бермудские острова, и там можно подвести лодку к скале при всяком уровне воды и во всякую погоду, исключая северного и северо-западных ветров. Я не раз делал это, когда был мальчиком.

– И делишься с нами плодами своего опыта в зрелые годы, а?

– Ладно, у тебя седая голова на зеленых плечах, мой мальчик; и я думаю, что ты в самом деле прав. Кого ты возьмешь с собой сторожить?

– Я пойду с братом, – сказал Фрэнк, – и этого будет достаточно.

– Достаточно? Он достаточно велик, а вы достаточно храбры для десятерых; но все-таки чем больше, тем веселее.

– Но чем меньше, тем легче. Я осмелюсь просить у вас первой и последней милости, – очень серьезно заговорил Фрэнк, – обещайте мне две вещи: первая – вы не пошлете к Фрешуотеру никого, кроме меня и моего брата, и второе – что бы мы ни узнали – оно останется тайной. Я полагаю, мы достаточно известны вам и другим – вы не можете ни на минуту сомневаться, что наши действия удовлетворят и вашу честь, и нашу собственную.

До самого отъезда братьев молчание почти не прерывалось.

– Эмиас, – сказал Фрэнк, – и тем не менее это писал девонец. Это писал Евстафий.

– Невозможно!

– Нет, друг, я был секретарем принца и научился разбирать шифры и подмечать каждый росчерк пера. Как я ни молод, я полагаю, меня нелегко провести. Идем, друг, но не бей никого сгоряча, ты можешь погубить свою же кровь.

Они прошли вдоль парка по направлению к востоку; миновали спрятавшуюся в лесу рыбацью деревушку – ряд домиков, прилепившихся к отвесной скале; прошли еще с полмили и по крутому склону холма, поросшему дубовым лесом, по узкой лесной дорожке стали спускаться к воде до того места, где с двух сторон сливаются ручьи и с высоты нескольких сотен футов обрушиваются каскадом в океан. Подле водопада подымалась с берега узкая тропка. Здесь братья предполагали встретить посланного. Фрэнк желал занять сторожевой пост ниже Эмиаса. Он говорил, что уверен, что Евстафий явится самолично, а он скорее сумеет воздействовать на него словами, чем Эмиас, что если Эмиас будет караулить ярдов на двадцать кверху, посланный все равно не сможет удрать. И, кроме того, он – старший брат и потому имеет право на почетный пост. Эмиас подчинился, заставив брата обещать, что если на тропинке появится больше одного человека, Фрэнк пропустит их мимо себя, прежде чем окликнуть брата, так, чтобы оба – Эмиас и Фрэнк – могли загнать их в тупик одновременно.

Итак, Эмиас занял свое место под высокой мергелевой насыпью и, лежа меж пышно разросшимися папоротниками, не сводил глаз с Фрэнка, присевшего на небольшом выступе утеса.

Прошло полчаса. Изредка Эмиас отрывал взгляд от скалы, чтобы взглянуть на окружающую местность. Наконец он услышал шорох падающих листьев и плотнее прижался к темной насыпи. Затем послышались быстрые, легкие шаги – не спускающиеся, а поднимающиеся снизу. Его сердце билось громко и часто. Еще через полминуты в трех шагах от убежища Фрэнка показался человек. Фрэнк тотчас вскочил. Эмиас видел, как светлый клинок блеснул при ярком свете октябрьской луны.

– Именем королевы, стой!

Человек выхватил из-под плаща пистолет и выстрелил Фрэнку прямо в лицо. Но спустить тяжеловесный курок было нелегким делом. Прежде чем исчезла искра, Фрэнк успел ударить пистолет рапирой снизу, и пуля, не причинив вреда, пролетела над его головой. В ту же секунду человек бросил оружие ему прямо в лицо, но, к счастью, не попал. Удар пришелся в плечо, и все же Фрэнк, который был хрупок, как лилия, пошатнулся и растерялся. Эмиас увидел, как, прежде чем Фрэнк мог овладеть собой, в руке врага блеснул кинжал, нанеший один, два, три удара.

Вне себя от бешенства Эмиас в одно мгновение очутился подле сражающихся. Они так тесно сплелись в темноте, что он побоялся пустить в ход острие своего меча, но рукоятью, хватил негодяя прямо по щеке. Этого оказалось достаточно. С болезненным криком молодец покатился ему под ноги, и Эмиас наступил на него, готовясь проткнуть его насквозь.

– Стой! стой! – завопил Фрэнк. – Это – Евстафий! Наш кузен Евстафий! – И он прислонился к дереву.

Эмиас подскочил к нему, но Фрэнк только отмахнулся.

– Это пустяки, царапина. У него с собой бумаги. Я уверен в этом. Возьми их и отпусти его.

– Негодяй, отдай мне бумаги! – закричал Эмиас, еще раз наступив на поверженного Евстафия, у которого была сломана челюсть.

– Ты подло ударил меня сзади, – простонал тот. Его тщеславие и зависть сказались даже тут.

– Собака, не думаешь ли ты, что я не осмелюсь ударить тебя спереди? Дай мне бумаги, письма, всю папистскую чертовщину, что ты нес, или, клянусь жизнью, я отрублю тебе голову и возьму их сам, хотя бы это стоило мне позора обнажить твое тело. Давай их сюда! Предатель, убийца! Давай их, говорю тебе! – И, снова поставив на него ногу, Эмиас поднял меч.

Евстафий не был трусом. Но тут он испугался. Принужденный выбирать между смертью и позором, он не имел больше мужества сопротивляться.

Лунный свет озарял высокий чистый лоб, длинные золотые кудри и ужасный белый меч его громадного кузена; и суеверному взгляду Евстафия он стал казаться похожим на прекрасного юного святого, попирающего Сатану, – таких он видел за границей на старых германских картинах.

Евстафий содрогнулся, вытащил из-за пазухи пакет и швырнул его прочь от себя, пробормотав:

– Я не предал их.

– Поклянись, что здесь все бумаги, какие у тебя были – зашифрованные и нешифрованные. Клянись своей душой или ты умрешь.

Евстафий поклялся.

– Скажи мне, кто твои сообщники?

– Никогда! – воскликнул Евстафий. – Жестокий, мало ты унижил меня?

Злополучный юноша разрыдался и закрыл свое окровавленное лицо руками.

Какой-то проблеск нового чувства сделал Эмиаса кротким, как ягненок. Он поднял Евстафия и приказал ему бежать ради спасения жизни.

– Значит, я обязан жизнью тебе?

– Нисколько. Только тому, что ты носишь имя Лэй. Ступай, или тебе будет хуже!

И Евстафий ушел, а Эмиас, схватив драгоценный пакет, бросился к Фрэнку. Фрэнк уже лишился сознания, и брат донес его до самого парка, прежде чем встретил остальных караульных. Для них все происшедшее осталось полной тайной. Они ничего не видели и не слышали.

Все возвратились в поместье, неся Фрэнка, который постепенно пришел в себя. Он получил скорее ушибы, чем раны, так как противник в бешенстве наносил удары дрожащей рукой.

Полчаса спустя Эмиас, старик Карри и его сын Билл держали тайный совет по поводу следующего послания – единственной бумаги в пакете, которая не была зашифрована:

«Дорогой брат во Христе!

Извещаю вас и всех друзей нашего дела, что Джозефус высадился в Смервикке с восемьюстами доблестными крестоносцами, горящими священным рвением искупить свои преступления (которых, боюсь, было много) распространением святой католической веры. Молитвами и святой водой я очистил крепость от грязных следов еретиков и вновь посвятил ее Богу. Если вы можете что-либо сделать, сделайте скорее, так как широкий и верный путь открыт,

а врагов много. Но действуйте быстро. Бедные Божьи овцы так напуганы, что сотни побегут перед одним англичанином. Земному суждению ни они, ни их страна не представляются достойными заботы о них. Они предаются воровству, лжи, пьянству, пустословию, нечестивым танцам и пению. В то же время их страна, по причине тирании вождей и беспрестанных грабежей и войн между племенами, которые, дробясь и слабея, делаются легкой добычей нечестивой, похитившей престол англичанки, совершенно опустошена огнем и обезображена телами умерших и убитых. Но что значит все это, когда добродетель католической покорности уже расцветает в их сердцах?

Церковь беспокоится не о сохранении тел и имуществ, а лишь о бессмертных душах.

Если какая-нибудь благочестивая леди пожелает, вы можете получить от ее щедрости для этой недостойной обители рубашку и пару штанов, так как я противен себе и другим, а здесь нет излишка такой роскоши. Все живут в святой бедности, за исключением блох; они единственные получают в нашем мире то утешение, которого этот несчастный народ и те, кто работает среди него, должны ждать до будущего мира.

Любящий вас брат».

– Сэр Ричард должен узнать об этом до рассвета! – воскликнул старый Карри.

– Восемьсот человек высадились! Мы должны созвать комитет граждан и все отправиться против них. Я сам пойду, как я ни стар. Ни одна собака не должна вернуться домой.

– Ни одна собака из них, – ответил Билл. – Но где мистер Винтер и его отряд?

– В безопасности, в Милфордской гавани. К нему также нужно послать гонца.

– Я поеду, – сказал Эмиас. – Но Карри прав. Сэр Ричард должен знать все первым.

– И мы должны захватить этих иезуитов.

– Что? Мистера Эванса и мистера Моргана? Они находятся в доме моего дяди. Подумайте о чести нашей семьи.

– Посудите сами, дорогой мальчик, – ласково сказал старый Карри, – разве не будет сущей изменой позволить этим лисицам бежать, когда в наших руках такое неопровержимое доказательство против них?

– Тогда я сам поеду.

– Почему нет? Вы сможете все уладить, а Билл поедет с вами. Кликни грума, Билл. Пусть оседлают твою лошадь и моего серого йоркширца. Он веселее повезет этого великана, чем маленький пони, верхом на котором изволил приехать (как я слышал) мистер Лэй сегодня утром. Что касается Фрэнка – за ним присмотрят дамы: они сделают это достаточно хорошо и будут очень рады залучить в свою клетку на одну-две недели такую чудесную птицу.

– А моя мать?

– Мы пошлем к ней завтра на рассвете.

– Ну, прощальный кубок перед отъездом! Теперь сапоги, мечи, плащи и прощайте!

Подвижной старик стал торопить молодых людей выйти и вскочить на лошадей, пока светит ясная зимняя луна.

– Вы должны ехать рысью, не то луна зайдет прежде, чем вы выберетесь из болот.

Итак, они отправились. Много миль они ехали молча. Эмиас потому, что его мозг был занят одной упорной мыслью: как спасти честь своего дома, а Билл потому, что колебался между Ирландией, и войной, и Розой Солтерн, и любовью. Наконец он внезапно сказал:

– Я поеду, Эмиас.

– Куда?

– С тобой в Ирландию, старина. Я наконец бросил якорь.

– Какой якорь, мой загадочный друг?

– Смотри, вот я – большое и храброе судно.

– Скромно, даже если неверно.

– Склонность, как якорь, крепко держит меня.
– В тине?
– Нет, на ложе из роз, не лишенном шипов.
– Ого! Я видел устриц на плодовых деревьях, но никогда не видел якоря в розовом саду.
– Молчи, а то моя аллегория разобьется.
– О скалу моего бессердечия.
– Пф! Ладно. Появляется долг, как живительный ветер, изо всех сил дующий с северо-востока, такой же резкий и упорный, и тянет меня к Ирландии. Я держусь за свое розовое ложе – плохая защита в шторм. Наконец все препятствия исчезают, и я отправлюсь вперед на запад! Меняю свое разбойничье гнездо на болотистую нору с Эмиасом Лэем.

– Серьезно, Билл?
– Клянусь моими грехами.
– По рукам, молодой сокол с Белой скалы.
– Хотя я больше привык называть ее «Убежищем влюбленных».
– Да, на берегу мы так зовем ее, но мы всегда говорим «Белая скала», когда смотрим на нее с моря – как мы с тобой станем смотреть, надеюсь, не позже, чем завтра вечером.

– Почему так скоро?
– Разве смеем мы терять день?
– Я полагаю – нет. Итак, вперед!

И они снова поехали молча. Эмиас был доволен (невзирая на свое недавнее отречение), что по крайней мере один из его соперников снимет на несколько месяцев осаду с сердца Розы.

Когда они проезжали над Кэредоном, Эмиас внезапно остановился.

– Ты не слышишь лошадиного топота с левой стороны?
– С левой – со стороны Вельсфордских болот? Немыслимо в этот час. Это, должно быть, олень или дикий кабан, возможно, просто старая корова.
– Это был звон железа, друг. Остановимся и подождем.

И молодые люди стали внимательно всматриваться в лежащее слева пространство болот и вереска, блестящее при лунном свете, как сплошная полоса холодного серебра, покрытого унылой осенней росой.

– Если кто-либо из сообщников Евстафия пробирается домой из Фрешуотера, он, желая сберечь парочку миль, мог проехать через Вельсфорд, вместо того, чтобы ехать, как мы по большой дороге, – сказал Эмиас, который был хитер, как лисица во всех вопросах тактики и страсти. – Если кто-нибудь из них сошел с ума, он мог попытаться это сделать и завязнуть. Там есть болота в двадцать футов глубины. Черт бы побрал этого молодца! Кто бы он ни был, он перехитрил нас! Смотри.

Он был прав. Незвестный всадник, по-видимому, слез с лошади внизу и повел ее вверх по другой стороне длинного рва, заросшего вереском; затем, дойдя до места, где ров сворачивает в сторону с намеченного им пути, он появился на фоне неба, собираясь вывести свою лошадку из дыры.

– Летим, как ветер!

И оба – Билл и Эмиас – помчались галопом через терн и вереск. Незвестный успел вскочить на лошадь, когда оставалось еще около ста ярдов расстояния, и далеко обогнал их.

– Вот чертов сын! – воскликнул Карри.
– Только чертов слуга. Мы никогда не поймем его.
– Я все-таки попытаюсь, а ты можешь тащиться сзади, старый тяжеловоз!

И Карри сильнее погнал коня.

Эмиас минут на десять потерял Билла из виду, а затем увидел, что тот стоит около лошади и безутешно ощупывает ее колени.

– Поищи мою голову – она валяется где-нибудь среди вереска. Ох, я бесполезен, как старая баба.

– Колени сломаны?

– Я не решился посмотреть. Думаю, что нет. Поезжай вперед и сделай все, что возможно в этом скверном деле. Парень уехал на милю вперед вправо.

– Тогда он направляется в Мурвинстоу; но где же мой кузен?

– Позади нас, смею сказать. Мы сцапаем по крайней мере его.

– Карри, обещай мне, что если мы это сделаем, ты скроешься из виду и предоставишь мне расправиться с ним.

– Мой мальчик, мне нужны только Эванс Морган и Морган Эванс. Твой кузен – только руки, а мы гонимся за головой.

Итак, они проехали еще шесть мрачных миль по все опускающейся местности.

– Теперь как? Прямо в Чепл – заткнуть лисью нору или через королевский парк в Стоу спустить собак сэра Ричарда и явиться с шумом и приказом об аресте в должной форме.

– Повидаемся сначала с сэром Ричардом, и, что бы он ни решил относительно моего дяди, я подчиняюсь.

Они поехали через королевский парк. Близ Стоу проехали мимо мельницы и группы закрытых цветами коттеджей. В окне одного из них еще горел огонь. Оба молодых человека хорошо знали, чье это окно, у обоих сердца быстро забились. В этой комнате спала или, вернее, еще не спала Роза Солтерн.

– Поздно не спят сегодня в Комве, – произнес Эмиас так беззаботно, как только мог. Карри внимательно посмотрел в окно, а затем довольно едко на Эмиаса, но Эмиас с деловым видом приводил в порядок свои стремяна. И Карри поехал дальше, не зная, что каждая жилка в теле его товарища трепещет, как в его собственном.

– Сыро и мрачно здесь внизу, – сказал Эмиас, в самом деле почти изнемогший от внутренней борьбы.

– Через пять минут мы будем у ворот Стоу, – ответил Карри, оглядываясь назад, пока его лошадь взбиралась на противоположный холм, но коттедж скрылся за поворотом извилистой дороги. Следующая их мысль была о том, как попасть в Стоу в три часа утра и не быть съеденными сторожевыми псами, уже начавшими рычать и лаять, заслышав шум лошадиных копыт.

Как бы там ни было, после долгого стука и зова они благополучно попали в дом через задние ворота в высокой западной стене. Сэр Ричард в длинном ночном одеянии скоро спустился в зал. Письмо было прочитано, история рассказана. Но прежде чем она была наполовину окончена, он сказал:

– Антоний, позови грума. Пусть он приготовит мне лошадь. Джентльмены, если вы извините меня, то через пять минут я буду к вашим услугам.

Через полчаса они вновь спустились, пересекли равнину и очутились под малочисленными низкими сплюснутыми морским ветром ясенями, стоящими вокруг одиноких ворот Чепла.

– Карри, там позади есть тропинка, ведущая через дюны к Марсленду. Ступайте охранять ее.

Карри уехал, а сэр Ричард громко постучал в ворота.

– Лэй, вы видите, я принял во внимание вашу честь и честь вашего бедного дяди – мы входим сюда одни. Чего еще вы хотите от меня, как внимательнее могу я отнестись к вашей чести?

– О, сэр! – воскликнул Эмиас со слезами на глазах. – Вы выказали себя еще раз тем, чем всегда были – моим дорогим и любимым руководителем, не уступающим даже моему адмиралу, сэру Фрэнсису Дрейку.

– Что же мы будем делать?

– Мой несчастный кузен, сэра, еще не мог вернуться – и я хотел бы ждать его на большой дороге, если только я не нужен вам.

– Ричард Гренвайль может войти один, юноша. Но что вы хотите сделать со своим кузеном?

– Заставить его навсегда покинуть страну или, если он откажется, тотчас проткнуть его насквозь.

– Идите, юноша!

В то время как он говорил, заспанный голос из-за ворот спросил:

– Кто здесь?

– Ричард Гренвайль. Именем королевы, откройте!

– Сэр Ричард? Он в своей постели, черт вас подери. Честные люди не приходят в такое время.

– Эмиас! – крикнул Ричард.

Эмиас вернулся.

– Откройте мне эти ворота, я подержу вашу лошадь.

Эмиас слез с коня, поднял с дороги камень такой, какие герои Гомера имели обыкновение швырять друг другу в головы, и в одно мгновение дверь оказалась на земле, а стоявший сзади слуга – под ней. Сэр Ричард спокойно переступил через нее и велел малому встать и взять его лошадь, а затем направился прямо к главному входу. Он был открыт. Слуги были на ногах и выстроились вдоль всего пути. По-видимому, шум разбудил их. Сэр Ричард тем не менее постучал в открытую дверь. К его удивлению, на стук ответил сам старый Лэй, вполне одетый, со свечой в руках.

– Сэр Ричард Гренвайль! Разве это по-соседски, не говоря о вежливости, врваться в мой дом глубокой ночью?

– Я разбил вашу наружную дверь, сэра, потому, что меня отказались впустить, когда я попросил именем королевы. Я постучал в вашу внутреннюю дверь, как должен был бы постучать в дверь беднейшего коттеджа в приходе, так как нашел ее открытой. Здесь у вас находятся два иезуита! А вот королевский приказ о задержании их. Я подписал его собственной рукой и, больше того, теперь предъявляю его собственной рукой, дабы спасти вас от скандала, а может быть, и отчего-либо худшего. Я должен получить этих людей, мистер Лэй.

– Мой дорогой сэра Ричард!

– Я должен получить их, или я буду вынужден обыскать дом; вы не захотите подвергнуть ни себя, ни меня столь позорной необходимости?

– Мой дорогой сэра Ричард!

– Должен ли я в таком случае просить вас отойти от собственных дверей, мой дорогой сэра? – спросил Гренвайль, а затем, меняя свой голос на тот ужасающий львиный рык, которым он был знаменит, загрохотал:

– Слуги, прочь, назад!

Это было сказано полудюжине хорошо вооруженных грумов и лакеев, столпившихся в проходе.

– Что? Сабли наголо, заячьи уши?

В одно мгновение сэра Ричард также выхватил свой длинный меч и, тихонько, как ребенка, отодвинув в сторону старого Лэя, двинулся к вооруженным людям, которые тотчас расступились в обе стороны. Они были отважными молодцами в открытом бою, но не испытывали желания быть повешенными в ряд в Лаунчестонском замке, после того как их насквозь проткнет этот страшный адмирал – самый «немирный» из всех «мировых» судей.

– А теперь, мой дорогой мистер Лэй, – заговорил сэра Ричард кротко, как всегда, – где нужны мне люди? Ночь холодна, и вам, как и мне, пора в постель.

– Сэр Ричард, иезуиты не здесь, конечно.

– Не здесь, сэр?

– Даю слово джентльмена – они оставили мой дом час тому назад. Поверьте мне, сэр, я поклянусь вам, если нужно.

– Я верю слову мистера Лэя из Чепла без всяких клятв. Куда они направились?

– Но, сэр, откуда мне знать? Они, могу сказать, удрали, сэр, исчезли.

– При вашей помощи. По крайней мере при помощи вашего сына. Куда они поехали?

– Жизнью клянусь, я не знаю.

– Мистер Лэй, возможно ли это? Решитесь ли вы присоединить ложь к той измене, от наказания за которую я стараюсь вас избавить?

Несчастный мистер Лэй разрыдался.

– О боже мой, боже мой! О! Неужто дошло до этого? Вдобавок ко всему страху и беспокойству от пребывания этих черных негодяев в моем доме, когда я должен был каждую минуту затыкать их подлые рты, дрожа, что они доведут до виселицы и себя и меня, меня называют изменником и лжецом – в мои годы! Лучше бы мне не родиться на свет!

Бедный старик упал в кресло и закрыл лицо руками. Затем он опять встал.

– Простите меня, сэр Ричард, я сел, оставив вас стоять. Горе сделало меня чурбаном. Садитесь, мой дорогой сэр, уважаемый сэр! Или лучше пойдете со мной ко мне в комнату и выслушайте мою злополучную историю. Клянусь вам, что иезуиты бежали, а мой бедный мальчик Евстафий все еще не вернулся. Грум рассказал мне, что этот дьявол – его кузен – сломал ему челюсть. Его мать почти обезумела за этот час. Горе нам! Горе!

– Ваш сын чуть не убил своего кузена, сэр, – сурово сказал Ричард.

– Как? Об этом грум не говорил мне.

– Ваш сын, прежде чем Эмиас опрокинул его, три раза ударил кинжалом своего кузена Фрэнка. И ради чего взял Евстафий на себя роль злодея и убийцы? Только, чтобы доставить в ваш дом это письмо, которое я прочту вам, как только отдам распоряжение насчет ваших патеров.

Выйдя из дому, сэр Ричард обошел вокруг и подозвал к себе Карри.

– Птички улетели, Билл, – прошептал он. – У нас один только шанс поймать их – у устья Марсленда. Если они стараются достать там лодку, вы еще можете поспеть вовремя. Если они ушли внутрь страны, мы ничего не можем сделать до завтра, пока не подыдем шума.

И Билл галопом помчался через дюны к Марсленду, а Ричард Гренвайль вернулся в дом и по всем правилам этикета объявил, что готов и счастлив иметь честь быть принятым в собственной комнате мистера Лэя.

Глава VI

Четверка с далекого Запада

Лишь одно устье на берегу было доступно для лодок благодаря длинной каменной плотине, защищающей его от океанских волн, – устье Марсленда, где жила «белая колдунья» Люси Пассимор. Сюда, как правильно решил сэр Ричард, и направились иезуиты. Но еще до прибытия иезуитов два человека стояли на этом одиноком берегу, освещенные светлой октябрьской луной – Розы Солтерн и сама «белая колдунья». Лихорадочно волнуемая любопытством и суеверием, прельщенная сумасбродством затеи, Розы точно явилась в назначенное время и за несколько минут до полуночи стояла со своей советницей на покрытом серыми валунами берегу.

– Вы будете в полной безопасности, мисс. Мой старик храпит вовсю в своей постели, и ни одна живая душа не бывает здесь по ночам, за исключением сирен. Батюшки, да где же наша лодка? Она должна была быть здесь на камнях!

Розы указала на песчаную полосу, шагов на сорок ближе к морю, где лежала лодка.

– Отколочу же я его за это, когда вернусь. Надеюсь, он хоть закрепил ее как следует. Этот старик приносит мне больше бед, чем когда-нибудь принесут мои деньги! Ох, горюшко мое!

Хозяйка озабоченно стала спускаться к лодке, Розы за ней.

– Так, это достаточно крепко... И весла на месте. Вот тебе на! Ох, ленивый мошенник – оставить здесь лодку, чтоб ее украли! Я сяду в лодку, дорогая, и буду караулить, пока вы спуститесь к морю. Ну, торопитесь, уже почти полночь.

И она забралась в лодку, а Розы нерешительно прошла по песчаной полосе еще шагов двадцать; затем, сбросив платье, трепещущая и дрожащая постояла минутку, прежде чем войти в воду. Она находилась между двумя стенами скал: левая, футов в двадцать вышиной, была окутана глубоким мраком; правая, гораздо более низкая, поглощала весь свет полуночной луны.

Ветер совсем прекратился. Ни одна волна не нарушала совершенного покоя маленького залива. Над всем царил настоящая осенняя тишина, которую можно слышать. Розы стояла в страхе и прислушивалась, стараясь уловить хоть один звук.

С утеса послышался как будто плач обиженного ребенка, ему ответил другой с противоположной скалы. Это кулики и выдра скликали свое потомство.

Розы могла слышать биение собственного сердца, когда наконец с зеркалом в руках вступила в холодную воду, прошла вперед, сколько осмелилась, и испуганно остановилась. Кольцо пламени окружало ее талию. Все тело купалось в дрожащем свете. Она ясно видела каждого моллюска, ползающего у ее ног по белому песку.

Девушка повернулась и хотела бежать, но она зашла слишком далеко, чтобы отступить. Три раза поспешно погрузив голову в воду, она выбежала на берег и, глядя сквозь свои мокрые кудри в волшебное зеркало, произнесла заклинание.

Едва заклинание было закончено и глаза Розы напряженно впились в зеркало, где, как и следовало ожидать, ничего не появилось, кроме сверкающих капель с ее собственных кос, как она услышала внизу у камней шум торопливых шагов, людских и лошадиных. Она бросилась в пещеру в высокой скале и поспешно оделась. Шаги остановились справа от лодки. Выглянув, полумертвая от страха, она увидела четырех людей. Двое из них только что сошли с лошадей и, отпустив их на произвол судьбы, стали помогать двум другим спускаться лодку.

Внезапно оттуда выросла тучная фигура Люси Пассимор и пронзительно завизжала:

– Эй, подлецы, негодяи, зачем вам понадобилось воровать по ночам лодки у бедных людей?

Все четверо в ужасе отпрянули, а один бросился бежать по берегу, крича во весь голос:

– Там сирена, сирена уснула в лодке Вилли Пассимора.

– Я бы желал, чтобы привалило такое счастье, – услышала Рози голос Вилли. – Это моя жена, вот беда!

И бедняга присел на корточки в ожидании жестокого тумака.

Он его получил тотчас же, как только Люси Пассимор вылезла из своего убежища и, запретив кому бы то ни было дотрагиваться до лодки, громовым голосом приказала мужу идти спать.

Хитрая женщина ухватила за эту возможность отсрочки главным образом, чтобы выиграть время для Рози. Но у нее были и более веские причины обострить борьбу до последней возможности. Она, как и Рози, уже узнала в неуклюжей фигуре одного из четырех того самого подозрительного уэльского джентльмена, призвание которого она давно разгадала. Люси пришла в ужас от связи своего мужа с этими «папистскими трусами» (как она назвала всех четырех прямо в лицо). Разве только за хорошее вознаграждение?!

Напрасно Парсон шумел, Кампиан уговаривал, грум мистера Лэя чертыхался, а ее муж танцевал вокруг, трясясь от страха, смешанного с корыстью.

– Нет, – кричала она, – я честная женщина! Так вот почему ты оставил лодку внизу! Ты – старый изменник. Нет разве? Ты хочешь помочь этим зловредным иностранцам вырваться из королевских рук. Эй! Назад, трусы! Не собираетесь ли вы ударить женщину? – Последняя фраза (как обычно) была лучшим признаком ее собственного намерения ударить мужчину. Вытащив одно весло, она стала яростно размахивать им и наконец так треснула Парсона по ноге, что тот отступил со стоном.

– Люси, Люси, – кричал ее муж пронзительным девонским фальцетом, – спятила ты? Спятила баба. Они мне обещали два золотых за то, что я одолжил им лодку.

– Два? – вскричала его супруга с жесточайшим презрением. – И ты смеешь называть себя мужчиной?

– Два золотых, два золотых! – повторял он, ковыляя вокруг на таком расстоянии, чтобы весло не могло его достать.

– Два? И ты продал свою душу меньше чем за десять?

– Ох, если в этом дело, – закричал бедный Кампиан, – дайте ей десять, дайте ей десять, брат Парс... Морган, хотел я сказать, и берегите ноги. Вот цербер!³⁶ Вот мужеподобная женщина!

– Вот тебе за твоего цербера – не позорь бедную женщину!

И в одно мгновение у бедного Кампиана подкосились ноги, а бой-баба кричала:

– Десять золотых, или я вас продержу здесь до утра!

Десять золотых были ей вручены.

Теперь, когда дракон, стороживший лодку, был умиротворен, лодку потащили к морю. Рози, спрятавшись в самом дальнем и темном углу своей пещеры, среди мокрой травы и шершавых раковин, затаила дыхание при приближении неизвестных.

Они прошли мимо, и киль лодки уж был в воде. Люси следовала за ними по своим собственным соображениям. Заметив у самой воды темную пещеру, она догадалась, что Рози там, и, втиснув свою объемистую персону в самое отверстие, стояла и ворчала на мужа, на двух иностранцев и больше всего на грума мистера Лэя.

Но ночные приключения еще не кончились. В то самое мгновение, когда лодка была спущена в воду, над берегом послышался слабый крик. Спустя минуту какой-то всадник проскакал вниз через камни и песок и, подняв лошадь на дыбы около перепуганных беглецов, скорее свалился, чем соскочил с седла. Слуга весь подобрался и бросился на вновь прибывшего, затем отпрянул.

---

³⁶ В греческой мифологии трехглавый пес, сторожащий вход в подземное царство и во дворец его повелителя.

– Ах, это мистер Евстафий! О, дорогой сэра, я принял вас за одного из людей сэра Ричарда! О, вы ранены!

– Царапина, царапина, – почти простонал Евстафий. – Помогите мне влезть в лодку, Джек. Джентльмены, я должен бежать с вами.

– Не с нами, конечно, мой дорогой сын – вечными странниками по лицу земли? – возразил добросердечный Кампиан.

– С вами и навсегда. Здесь все кончено. Куда поведут бой и случай...

И Евстафий, шатаясь, пошел к лодке.

Когда он проходил мимо Розы, она увидела его окровавленное лицо, искаженное злобой, стыдом и отчаянием.

– Кто вас ранил? – спросил Кампиан.

– Мой кузен Эмиас... и взял письмо!

– Так пусть его черт возьмет! – закричал Парсон, в бешенстве топая ногами.

– На борт или мы все пропали. Вильям Карри догоняет меня!

При этой вести лодку столкнули в воду и как раз вовремя. Только она обогнула утес и скрылась из виду, как наверху послышался шум лошадиных копыт.

– Эта Льева подлюга получит теперь... Папистская дрянь! – громко сказала Люси. – Посидите здесь тихонько, жизнь моя, и успокойтесь. Вы здесь в безопасности, как кролик в норе. Я должна взглянуть, что там делается, хоть умереть!.. – С этими словами Люси протиснулась через расщелину на более высокий выступ, откуда можно было видеть, что происходит в долине. – Вот он! На лугу, старается поймать лошадей! Вот едет мистер Карри! Батюшки, как скачет-то! Он уже на валу! Торопись, Джек! Торопись! Батюшки, мистер Карри схватил его! Упал! Упал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.